

ДАВИДОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

ТАЙНА

СМЕРТИ Н. В. ГОГОЛЯ

«УРАЛ»

№ 1

• 2005 •

Михаил Иванович Давидов

Тайна смерти Гоголя

Еще одна версия

Журнал "Урал", № 1; 2005г.

Михаил Иванович Давидов — родился в 1954 г. на Урале в семье сельского учителя. После окончания мединститута служил в армии врачом военно-строительного отряда на космодроме Байконур, в дальнейшем работал врачом. Ныне — доцент Пермской медакадемии. Автор трех книг и многих статей по различным вопросам медицины.

Многие годы занимается изучением обстоятельств гибели Пушкина, Лермонтова и других русских писателей. В журнале “Москва” (№ 8) в 2003 г. опубликовал документальную повесть “Дело № 37”, посвященную взаимоотношениям Лермонтова и Мартынова.

Àùá íáí à ááðñëÿ

В íáááðññí, áñí ðáññëáçáí í íá íá çáñðááè ÷èðáðáÿ ðáçëðáèòó Áíãëÿ, íá áðññëèò íá áñ íáðáç èèáííúé ñññëññíé ïñçíèòó, íááíáðð òáíü çááíëáòóí í íæàò áññëèé.

А.Е. Личко

Èèè áñ áíëññú — è áñí íááí ññáèèòó èá:èòóññ, èèè... íá ññ áð áññëáçáòóí í íáé í ùññè!.

В.Г. Белинский

1

Гоголь умирал... Он полусидел в кресле, запрокинув голову назад, на высокую спинку, протянув ноги на приставленный стул. Приподнял было голову, когда вошел доктор, но она тут же бессильно упала.

Вошедший — молодой московский врач А.Т. Тарасенков — был неприятно поражен видом писателя: “Я ужаснулся. Не прошло и месяца, как я с ним вместе обедал, он казался мне человеком цветущего здоровья, бодрым, свежим, крепким, а теперь передо мною был человек, как бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный каким-либо продолжительным истощением до необыкновенного изнеможения. Все тело его до чрезвычайности похудело, глаза сделались тусклы и впали, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голос ослаб, язык трудно шевелился от сухости во рту, выражение лица стало неопределенное, необъяснимое. Мне он показался мертвецом с первого взгляда”.

Таким застал писателя 16 февраля 1852 г. Алексей Терентьевич Тарасенков (1816—1873), который в то время работал врачом больницы для чернорабочих. Незадолго до того, в 1845 г., этот талантливый врач успешно защитил диссертацию о воспалении

паутинной оболочки головного мозга. Но был он еще достаточно молод и поэтому пока не пользовался большим авторитетом среди богатого сословия Москвы. Однако друг Гоголя граф А.П. Толстой, в доме которого проживал великий писатель, доверял Тарасенкову и поэтому пригласил для срочного осмотра Николая Васильевича, тем более, что профессор Ф.И. Иноземцев, наблюдавший больного, заболел сам и не мог выезжать к пациенту.

Отвечал доктору Гоголь тихим и слабым голосом, коротко и отрывисто, с трудом и как бы нехотя. Правда, он все же позволил врачу пощупать пульс и осмотреть язык. Пульс был ослаблен и ускорен, язык чистый, но сухой. Кожа имела “натуральную теплоту”. У пациента не было повышения температуры, “горячечного состояния”.

Словом, Тарасенков не обнаружил какой-либо определенной соматической (телесной) болезни; не было лихорадки и других признаков брюшного тифа, туберкулеза, пневмонии. В чем же тогда причина такого страшного изнурения?

Поскольку Гоголь неохотно отвечал на вопросы, невозможно было собрать полноценного анамнеза. Но вот что выяснилось из рассказов его близких знакомых и прислуги в доме графа Толстого.

Еще в середине января 1858 г. он чувствовал себя удовлетворительно. Затеяв издание полного собрания своих сочинений в 4 томах, он упорно работал над корректурами. К этому времени все 11 глав второго тома “Мертвых душ” в основном были уже завершены, возможно, требовалась лишь доработка, “прикосновение последней кисти” великого художника. Хотел Николай Васильевич посмотреть в театре “Женитьбу”, чтобы дать указания актерам, собирався также устроить вечер малороссийских песен.

Но неожиданно заболела и вскоре (26 января) скоростижно умерла Екатерина Михайловна Хомякова — очень близкий и дорогой Гоголю человек, совсем еще молодая (35 лет), цветущая, красивая женщина, мать семи детей, сестра покойного поэта Н.М. Языкова, жена известного московского славянофила А.С. Хомякова.

Николай Васильевич навещал больную, поддерживал ее дух и, в силу своей мнительности, внимательно следил за ходом болезни и лечением пациентки. К тому времени он по своему горькому опыту с предубеждением относился ко всем действиям врачей. “Когда она была уже в опасности, — свидетельствовал очевидец, — при нем спросили у доктора Альфонского, в каком положении он ее находит; он отвечал: “Надеюсь, что ей не давали каломель, который может ее погубить?” Но Гоголь знал, что каломель уже был дан, — он вбегает к графу и восклицает: “Все кончено, она погибнет, ей дали ядовитое лекарство”. К несчастью, больная действительно в скором времени умерла”. Ужас состоял и в том, что Екатерина Михайловна была беременной, и смерть, таким образом, унесла сразу две жизни.

Здесь нужно определенно и резко высказаться в отношении Аркадия Алексеевича Альфонского (1796—1869), профессора судебной медицины Московского университета, позволившего себе недопустимое высказывание в присутствии родственников и знакомых больной. Они, и в частности Гоголь, естественно, не поняли сути его высказывания и сделали неверные выводы. Но каломель широко применялся в медицинской практике как слабительное и дезинфицирующее средство, не вызывая никаких отравлений.

Альфонский имел в виду совершенно другое. Лишь в очень редких случаях, приблизительно у 0,5% больных, смерть наступает из-за прободения брюшнотифозных язв тонкой кишки с излиянием кишечного содержимого в брюшную полость и развитием

перитонита (воспаления брюшины). Именно в таких случаях дать любое слабительное, в том числе каломель, значит усилить сокращение кишки и тем самым способствовать прободению, точнее — несколько увеличить его вероятность. Поэтому слабительное лучше не давать брюшнотифозным больным, о чем и предупредил Альфонский. Однако перфорация кишки наступает лишь в поздние сроки болезни, обычно с 11 до 25 дня от начала заболевания. При этом возникает характерная симптоматика воспаления брюшины. В случае Хомяковой никакой перфорации и тем более отравления лекарством не произошло, больная умерла в ранние сроки от начала заболевания в результате сердечно-сосудистой недостаточности, наступившей под воздействием токсинов микроорганизмов.

Но Гоголь не мог знать всего этого.

После смерти Е.М. Хомяковой невыносимая тоска охватила душу Николая Васильевича. Находясь в состоянии тяжелой депрессии, он вдруг почувствовал с невероятной силой, что должен умереть; при этом он желал смерти и одновременно страшился ее. Писатель сразу изменился, стал уединяться, подолгу молился у себя в комнатах.

На первой панихиде по Хомяковой, 27 января, он старался не смотреть на покойницу, стоял как “восковой”. Еще никто никогда не видел его таким. Казалось, он переживает больше всех, сильнее вдовца и других родственников покойной. Сил едва хватило, чтобы выстоять панихиду до конца. Он вышел, трясаясь от мелкого озноба, плача, обнял Хомякова и вдруг, вместо слов сострадания и утешения, ясно и отчетливо сказал: “Все для меня кончено!” На похороны Гоголь, неожиданно для многих, не пришел — заперся дома, молился и никуда не выходил. Своим близким знакомым Аксаковым он так объяснил причину своего отсутствия при погребении: “Я не был в состоянии”.

30 января писатель в своем приходе заказал панихиду по Хомяковой. После панихиды зашел к Аксаковым и рассказал: “Сегодня я служил один в своем приходе панихиду по Катерине Михайловне; помянул и всех прежних друзей, и она как бы в благодарность привела их так живо всех передо мной. Мне стало легче”. Очевидно, в церкви у него наблюдались зрительные галлюцинации с видениями поэта Языкова, Иосифа Виельгорского и других умерших. В полной отрешенности от всего мирского, молча стоял писатель перед сестрами Аксаковыми, а затем в задумчивости добавил:

- Но страшна минута смерти.

А 1 февраля он отправился в свою приходскую церковь на обедню. После обедни вновь зашел к Аксаковым и разговорился с Верой Сергеевной, дочерью писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. Говорили о впечатлении, производимом смертью на окружающих, о том, возможно ли с малых лет воспитать так ребенка, чтоб он понимал значение жизни, чтоб смерть не была для него нечаянностью. Видно было, что все мысли Гоголя обращены к потустороннему миру.

В это время приехал знаменитый московский врач Овер к прихворнувшей Ольге Семеновне, жене С.Т. Аксакова. Вера Сергеевна вышла провожать доктора, осмотревшего больную, до дверей. Овер вдруг вымолвил: “Несчастный!” — “Кто несчастный? — спросила она, не поняв. — Да ведь это Гоголь!” — “Да, вот несчастный!” — “Отчего же несчастный?” — “Ипохондрик. Не приведи бог его лечить, это ужасно!” Оверу уже доводилось лечить Гоголя, и пациента он считал очень трудным. К тому же он, очевидно, уловил по мрачному внешнему виду Гоголя ухудшение его самочувствия. Это и дало ему повод посочувствовать и больному, и тому врачу, которому придется лечить писателя.

Судьбе было угодно распорядиться так, что он сам через две с половиной недели оказался “в шкуре” этого доктора!

Началась масленица. В понедельник, 4 февраля, в первый день ее, Гоголь снова посетил Веру Сергеевну и Надежду Сергеевну. Пробыл недолго, посидев в углу дивана. В лице его явственно читались утомление и сонливость. “Сегодня ночью я чувствовал озноб”, — признался он. “Это, верно, нервное, — отозвалась Вера Сергеевна. “Да, нервное”, — подтвердил он совершенно спокойным тоном. Вскоре Гоголь ушел. Это было их последнее свидание. Ничто не сказало сестрам, что они больше не увидят его. Они лишь были поражены его ужасной худобой. При состояниях психической депрессии Николай Васильевич терял аппетит и быстро худел. “Ах, как он худ, как он худ страшно!” — удивлялись сестры.

В тот же день Николай Васильевич заехал к своему другу, историку литературы, профессору С.П. Шевыреву. Степан Петрович сразу заметил глубокую перемену во всем его облике. Писатель был погружен в себя, мрачен. Твердо заявил, что “некогда ему теперь заниматься корректурами”. На вопрос, что с ним, он отвечал, что дурно себя чувствовал и, кстати, решил попоститься и поговеть. Степан Петрович опешил: “Зачем же на масленой?” — “Так случилось”, — ответил он. До великого поста оставалась еще целая неделя!

Удивленным огромной переменой в Гоголе, Шевырев на следующий день сразу после лекций поехал к нему домой и застал его на отъезде. “Он жаловался мне на расстройство желудка и на слишком сильное действие лекарства, которое ему дали, — вспоминал профессор. — Я говорил ему: “Но как же ты, нездоровый, выезжаешь? Вот то-то не женат: жена бы не пустила тебя”. Он улыбнулся этому”. Шевырев попал в точку: в молодости не женившись, чтобы всего себя посвятить литературе, Гоголь порой чувствовал себя без семьи очень одиноко. Сватовство же к графине А.М. Виельгорской, состоявшееся три года назад, закончилось неудачно — великим, но бедным писателем знатные царедворцы Виельгорские пренебрегли.

Сейчас же он торопился в храм — церковь Преподобного Саввы Освящённого на Девичьем поле. Там он встретился со своим духовным отцом священником Иоанном (Никольским), которого очень уважал и любил. Он признался отцу Иоанну, что сердце его ноет от потрясения, которое он испытал после смерти Хомяковой, что тоска нашла на него, что почувствовал он, что болен тою самой болезнью, от которой умер отец его, — именно, что на него “нашел страх смерти”. Духовник, как мог, успокоил писателя.

Можно сказать, с первых чисел февраля Гоголь дни и даже ночи проводил в тоске и молитвах, почти полностью отказавшись от пищи. Тяжелая, глубокая депрессия властно овладела им. В эти февральские дни происходили у него и нелегкие беседы с отцом Матфеем — знаменитым ржевским проповедником, приехавшим на несколько дней в Москву и поселившимся, как обычно, в доме графа Толстого. Отец Матфей был духовным наставником и Гоголя, и супружеской четы Толстых. Гоголь благоговейно относился к отцу Матфею, более четырех лет переписывался с ним и неоднократно встречался в Москве.

Духовник писателя представлен на известной картине Ильи Репина “Гоголь и о. Матфей” — громадного роста священник, нависший над согбенной, виноватой фигуркой писателя, испепеляющий его властным взором. Однако в реальной жизни и внешне, и внутренне этот знаменитый проповедник был совсем другим.

Отец Матфей (в миру Матвей Александрович Константиновский), настоятель ржевского Успенского кафедрального собора, был глубоко преданным Богу добрым человеком. Да Гоголь, обладающий нравственной интуицией, и не мог избрать в свои духовники плохого человека? Внешне он выглядел удивительно просто, как самый обыкновенный мужичок: невысокого роста, чуть сутуловат, с серыми непривлекательными глазами, светло-русыми, с проседью, волосами, которые по-деревенски смазывались салом, и реденькой бородкой. Никогда на нем не было дорогой рясы. Но во время проповеди он удивительно озарялся, и великий свет испускался во все концы от его маленькой мужицкой фигурки. Красота и сила его проповедей были необычайны! Чтобы послушать его, каждое воскресенье и каждый праздник к ранней обедне стекалась во Ржев люди из самых отдаленных мест.

Гоголь тоже был глубоко верующим человеком. Он регулярно (в последние годы жизни — ежедневно) посещал церковь, часто и подолгу молился, соблюдал религиозные обряды. Он засыпал и просыпался с мыслями о Боге; душа и тело писателя, его сердце и мысли принадлежали не только литературе, но и высшей, божественной силе. Гоголь истинно верил в Бога, неземную жизнь, рай и ад. Он по крупинкам выгонял из себя грязь, боролся с недостатками, стремился стать лучше, стать чище. Для чего? Что двигало им? Помимо мыслей о высокой нравственности и человеческом совершенствовании, он искренне жаждал рая и боялся ада.

Маленькому Никоше бабушка, Татьяна Семеновна, часто рассказывала о лестнице, которую спускали с неба ангелы. Если на лестнице было семь мерок, то душа поднималась на седьмое небо, если меньше — значит, душе предстояло обитать ниже. Седьмое небо — это небо рая.

Гоголь искал своего духовного наставника, и наконец пути их с отцом Матфеем пересеклись. Матвей Константиновский стал одним из самых замечательных людей, встреченных Гоголем в жизни.

“Что вам сказать о нем? — писал Гоголь в письме графу А.П. Толстому о своем духовнике. - По-моему, это умнейший человек из всех, каких я доселе знал, и если я спасусь, так это, верно, вследствие его наставлений”.

После смерти Хомяковой, разбередившей раны в психике писателя, спровоцировавшей тяжелейшее состояние депрессии, Николай Васильевич более всего нуждался в понимании и словах утешения. И вот здесь-то и произошла драма: духовный учитель не понял состояния своего ученика! Основа его поучений состояла в том, что строгое исполнение правил православной церкви есть необходимое условие для спасения души. Он сурово осуждал тех, кто недостаточно строго соблюдал посты, пусть даже и по слабости здоровья. Страшным грехом почитал он театр и светскую литературу.

Что же он увидел в свой очередной приезд, когда Николай Васильевич исповедался перед ним? Постов Гоголь должным образом не соблюдает, ходит на представления, учит артистов-грешников, как дальше им “мутить” народ в своих театрах, вместо того чтобы люди ходили в храмы Божьи. Литературу и не думает бросать: подготовил второй том “Мертвых душ” к печати, выпускает новое собрание своих сочинений.

Несколько дней они видятся и ведут разговоры: один с особенной охотой именно сейчас наставляет, поучает, другой — с желанием и поклонением внимает.

Гоголь и сам стремился соблюдать посты. К примеру, сохранилась книга “Слова и речи преосвященного Иакова, епископа нижегородского и арзамасского”, изданная в 1849 г. Книга принадлежала Гоголю и вся испещрена его карандашными пометками. В главе “Слово о пользе поста и молитвы” подчеркнуты многие строки, такие, например, как “Пост многих похотливых сделал целомудренными, гневливых — кроткими, буйных — скромными, гордых — смиренными”.

Но нельзя упускать из виду, что Гоголь был не совсем здоровым человеком. Он страдал резко повышенным аппетитом и имел, по особенностям своей болезни, о которой будет рассказано позже, преобладание в организме процессов катаболизма, то есть распада белков, жиров и углеводов. Даже при обильном приеме пищи мог быстро и сильно худеть. Доктор А.Т. Тарасенков писал: “Переменять свойство и количество пищи Гоголь не мог без вреда для своего здоровья; по собственному его уверению, при постной пище он чувствовал себя слабым и нездоровым. “Нередко я начинал есть постное по постам, — говорил он мне, — но никогда не выдерживал: после нескольких дней пощения я всякий раз чувствовал себя дурно и убеждался, что мне нужна пища питательная””.

Матвей Александрович мог на это возразить: “Ослабление тела не может нас удерживать от пощения... Для чего нам нужны силы? Путь в царствие Божие тесен!” Сам он исполнял все строгие монашеские установления: много и долго молился за обедом, кушал очень мало, совершенно не пил вина и других спиртных напитков, с 28-летнего возраста не ел мяса, в первую неделю великого поста пищу не принимал вовсе.

Несомненно, отец Матфей корил писателя за посещение театров, советовал в который уже раз отказаться от литературной деятельности и даже, как потом выяснилось, отречься от А.С. Пушкина.

В 1855 г. писатель Т.И. Филиппов беседовал с ним, пытаясь выведать, о чем толковал тот с Гоголем в роковом феврале 1852 г. Протоиерей Ф.И. Образцов, присутствовавший при беседе, позднее опубликовал ее содержание: “О. Матфей, как духовный отец Гоголя, взяв на себя обязанность очистить совесть Гоголя и приготовить его к христианской непостыдной кончине, потребовал от Гоголя отречения от Пушкина. “Отрекись от Пушкина, — потребовал о. Матфей. — Он был грешник и язычник...” Каковы же были страдания Гоголя! Ради веры в Бога он вынужден был отречься от Пушкина, своего старшего друга и Учителя, которого любил и перед которым преклонялся всю жизнь!

Последняя беседа отца Матфея и Гоголя произошла 5 февраля 1852 г. И вновь Матвей Александрович, добрым, мягким голосом, но сурово и беспощадно, требовал от духовного сына отречься от “писанья”. Гоголь отказался последовать его совету — литература была его жизнью. Матвей Александрович грозил ему страшными муками ада. Он избрал тактику устрашения, считая, что “врача” не осудят, если он для лечения тяжелого больного избрет чересчур сильные средства. И — вдвойне ошибся: во-первых, предпринятые средства оказались неадекватны состоянию больного и усугубили его болезнь, во-вторых, “врача” осудили, да еще как — уже 150 лет христианина, честного и праведного человека все называют “попом-мракобесом” и “фанатиком-изувером”!

Устрашения отца Матфея произвели ужасающее впечатление на Гоголя. По словам очевидцев, их уединенная беседа 5 февраля завершилась тем, что Николай Васильевич взволнованно закричал: “Довольно! Оставьте!.. Не могу долее слушать!.. Слишком страшно!”

Матвей Александрович прервал беседу и засобирався в дорогу, во Ржев. Глубокое раскаяние овладело Николаем Васильевичем. Как посмел он прервать поучения столь праведного человека! Он пытается исправить ошибку: в тот же день, 5 февраля, вечером Николай Васильевич, провожая наставника на станцию железной дороги, оправдывается перед ним. На станции в толпе писателя узнали и с “ненасытным любопытством преследовали”. Гоголь воспринял сие как подтверждение своего греховного тщеславия и очень огорчился от этого. Усадив священника в вагон и вернувшись домой, Николай Васильевич пишет Матвею Александровичу покаянное письмо с извинениями. На следующий день он переписывает письмо и отправляет его во Ржев. Он называл себя “жестокосердным”, а письмо подписал как “обязанный вам вечною благодарностью и здесь, и за гробом, весь ваш Николай”. Обратим внимание на подпись: не “Гоголь”, как всегда, а “Николай”, то есть раб Божий — ведь для Бога имеет значение только имя человека.

После отъезда отца Матфея состояние депрессии резко усилилось. Гоголь с еще большим упорством продолжает отказываться от всякой пищи. К литературным занятиям не возвращается, а обложился книгами духовного содержания, которые и раньше любил перечитывать. Масленицу посвятил говению; ходил в церковь, молился много и необыкновенно тепло, от пищи воздерживался до чрезмерности: употреблял только несколько ложек овсяного супа на воде или капустного рассола в обед. Когда ему предлагали кушать что-нибудь другое, он отказывался по причине болезни, объясняя, что-де чувствует что-то в животе, что кишки у него перевертываются, что это болезнь его отца, умершего в такие же лета, и притом оттого, что его лечили.

Организм Гоголя изнурился и вследствие необычайного нервно-психического напряжения. Часы сна писателя были ограничены до крайности. Всю масленицу, подремав вечером в кресле, ночи он проводил в молитве перед образами. Затем опять дремал один-два часа в кресле или на диване. Вставал рано, и, ничего не поев и не попив, шел в церковь к заутрене. Раньше же он никогда не выходил со двора, плотно не поев и не выпив крепкого кофе.

“Болезнь его, — как сообщал позднее доктор Тарасенков, — выражалась только одною слабостью, и в ней не было заметно ничего важного; самая слабость, видимо, происходила от чрезмерного изнурения и мрачного настроения духа. Несмотря на это ослабление тела, Гоголь продолжал поститься и проводить ночи на молитве; ослабление возрастало со дня на день. Впрочем, он еще мог выезжать и ходить”.

В четверг, 7 февраля, рано утром Гоголь едет на Девичье поле в свою бывшую приходскую церковь Саван Освящённого, там исповедуется и причащается Святых Христовых Тайн. Перед принятием Святых Даров, за обеднею, пал ниц и много плакал. По свидетельству отца Иоанна (Никольского), был уже слаб и почти шатался. Заехал к жившему недалеко от церкви историку М.П. Погодину. Профессор при первом взгляде на гостя заметил в лице болезненное расстройство и не мог удержаться от вопроса, что с ним случилось. “Ничего, — отвечал он, — я нехорошо себя чувствую”. Посидел несколько минут и уехал.

Причащение всегда успокаивало Гоголя во время приступов тоски и уныния. Но на этот раз и причащение его не успокоило. Он не хотел в этот день ничего есть, и когда не удержался и дома съел просфору, то назвал себя “обжорой”, “окайнным”, “нетерпивцем” и сильно сокрушался. По мнению А.Т. Тарасенкова, “болезненное изнеможение тела еще более служило к мрачному настроению духа”.

В один из дней в конце масленицы Гоголь выехал на извозчике в Преображенскую больницу для душевнобольных, слез с санок и очень долго в нерешительности ходил взад и вперед у ворот. По другим сведениям, он даже стучался безуспешно в калитку, прося впустить его. Затем он сел в сани и велел ехать домой. Цель посещения Преображенской больницы так и осталась тайной.

В ночь с 8 на 9 февраля писателя посетили слуховые и зрительные галлюцинации устрашающего характера. Какие-то голоса обвиняли его в грехах, предрекали муки ада после смерти. Писателя обуял страх смерти, ему чудилось, что он умирает, он увидел себя мертвым, возможно, уже и в аду. Уверенный, что пришла смерть, среди ночи вызывает приходского священника отца Алексия (Соколова) из ближайшей церкви Симеона Столпника и просит причастить и соборовать его. Священник, «видя его на ногах и не заметив в нем ничего опасного, уговорил его оставить это до другого времени».

Ничего удивительного, что слуга графа А.П. Толстого с тревогой подошел к своему барину и известил его, что боится за рассудок и даже за жизнь Николая Васильевича. По наблюдениям слуги, Гоголь уже двое суток провел на коленях перед образом без всякой пищи и питья, практически не ложась спать.

Граф вызвал для его осмотра прославленного хирурга, профессора Московского университета Ф.И. Иноземцева. Федор Иванович, осмотрев больного, «нашел, что у него катар кишок, советовал ему спиртные натирания живота, лавровишневую воду и ревенные пилюли по случаю долго продолжавшегося запора. Не веря вообще медицине и медикам, Гоголь не воспользовался этими советами, хотя чувствовал уже себя весьма дурно...» В соответствии с нынешней медицинской терминологией, это равносильно диагнозу «хронический колит». Впрочем, в душе Иноземцева оставались сомнения, и одним своим знакомым он проговорился, что сомневается в точности диагноза. В один из визитов он предположил даже брюшной тиф, но затем отказался и от этого диагноза, так как ни лихорадки, ни других типичных симптомов брюшного тифа у писателя не было. К несчастью, Иноземцев вскоре сам тяжело захворал и не смог выехать к больному.

К 10 февраля силы уже настолько оставили Гоголя, что он не мог больше выезжать и выходить из дома.

С понедельника, 11 февраля, наступил великий пост. По церковным уставам, в первые два дня его для монахов и церковнослужителей рекомендуется полное воздержание от пищи. Гоголь 11 и 12 февраля пищу вовсе не принимал, почти не спал и буквально истязал себя молитвами. В доме набожных Толстых по традиции с началом великого поста каждый вечер в парадных комнатах второго этажа устраивались богослужения. Николаю Васильевичу, жившему на первом этаже, уже едва хватало сил, чтобы подняться по лестнице на второй этаж. Он останавливался на каждой ступеньке, подолгу сидел на стуле, который нес за ним его слуга украинец Семён. Но службу всю писатель молился стоя! Днем Гоголь ничего не ел, ночи проводил, стоя перед образами в теплой молитве со слезами. Граф Толстой, видя, как изнуряет все это Гоголя, вынужден был прекратить церковное служение.

Короткие часы сна, обычно в сидячем или полусидячем положении в кресле или на диване, не приносили Гоголю отдыха. Его, скорее всего, преследовали кошмарные сновидения — ада, загробных мук, страшного суда. И в ночь с 10 на 11 февраля Гоголь сжигает окончательный вариант второго тома «Мертвых душ». В огонь летит труд десяти лет, героическая жизнь, прожитая в этом тяжелейшем, изнуряющем труде.

Вот как произошло это трагическое и печальное событие.

Ночью Гоголь долго молился один в своей комнате. Мысли о греховности не покидали его все последние часы. В три часа ночи он разбудил своего слугу, спросил, тепло ли в другой половине первого этажа. “Свежо”, — ответил Семён. “Дай мне плащ, пойдем, мне нужно там распорядиться”, — с болезненной страстью в голосе сказал писатель. Глаза его горели странным блеском. Одев свой испанский плащ без рукавов, медленно двинулся он со свечой в руке, как призрак, из своих покоев в левую половину дома, осеняя себя крестом в каждой комнате, через которую проходил. Придя к комнате, где была большая печь, он приказал кроткому хлопцу разуться и тихо, чтобы никто в доме не услышал, пройти на второй этаж и открыть печную трубу. Затем он достал из портфеля связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил её в печь и зажег свечой из своих рук.

Мальчик, догадавшись, что писатель хочет сжечь свои сочинения, бросился к нему, упал на колени и стал умолять его не делать этого: “Барин! Что это вы? Зачем жечь? Перестаньте!” — “Не твоё дело, — ответил он. — Молись!” Мальчик начал плакать и продолжал умолять его. Между тем связка никак не разгоралась. Огонь погас после того, как обгорели углы у тетрадей. Писатель вынул потухшую связку из печи, развязал тесемку и уложил листы так, чтобы легче было приняться огню. Зажег опять и сел на стуле перед огнем, изредка переворачивая горящие листы кочергой и в нетерпении ожидая, когда всё сгорит и истлеет. Отблески огня недобро вспыхивали в его странных, отчужденных глазах. Скоро одна лишь кучка пепла осталась от мучительного труда десяти лет.

Когда все сгорело, он долго-долго сидел, задумавшись. Прошла целая вечность, прежде чем он вдруг проговорил хлопчику: “Негарно мы зробили, негарно, недобре дило”. Сказал — и слезы полились по худым, ввалившимся щекам. Вот когда он очнулся от угарного, болезненного тумана, охватившего его голову, помутившего рассудок. Перекрестясь, воротился он в свою комнату, поцеловал доброго, печального мальчика, лег на диван и опять горько-горько заплакал.

Гоголь сам признался, что уничтожил второй том “Мертвых душ” в необычном, болезненном состоянии психики. Когда на следующее утро после сожжения к нему пришел граф Толстой, писатель с горечью сказал: “Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все! Как лукавый силен, вот он к чему меня подвинул!”

“После уничтожения своих творений мысль о смерти, как близкой, необходимой, неотразимой, видно, запала ему глубоко в душу и не оставляла его ни на минуту”, — пишет очевидец событий.

С этой несчастной ночи он сделался еще слабее, еще мрачнее прежнего: не выходил больше из своей комнаты, не изъявлял желаний видеть никого, сидел один в креслах по целым дням, в халате, протянув ноги на другой стул, перед столом. Сам он почти ни с кем не начинал разговора, отвечал на вопросы других коротко и отрывисто. Напрасно близкие к нему люди старались воспользоваться всем, чем было только возможно, чтобы вывести его из этого положения. По ответам его видно было, что он в полной памяти, но разговаривать не желает. А.С. Хомякову, желавшему его утешить, он сказал: “Надобно же умирать, а я уже готов, и умру...”

По вечерам он дремал в креслах, а ночи напролет проводил в бдении на молитве. Иногда жаловался на то, что у него “горит” голова и зябнут руки. Один раз имел небольшое кровотечение из носа. По-прежнему весь великий пост голодал и почти лишил себя питья, поэтому “урину имел густую, темно окрашенную, испражнения на низ не было во всю первую неделю великого поста”.

С начала великого поста Гоголь перестает пускать к себе большинство знакомых. Добиваются коротких (на несколько минут) свиданий только самые близкие, но Гоголь нисколько не был им рад и как бы тяготился их присутствием рядом с собой. С трудом пробился к больному его близкий знакомый Д.Н. Свербеев, который вспоминал: “Принял он меня ласково, посадил, но через две-три минуты судорожно вскочил со своего стула, говоря, что ему давно уже нездоровится. Нашел я его каким-то странным, бледным и, судя по глазам, чем-то встревоженным и пламенеющим. Я тотчас поднялся и от него вышел”. Похоже, что Дмитрий Николаевич принял писателя за душевнобольного и, возможно, даже испугался его.

Гоголь продолжал отказываться от пищи. Правда, иногда он, уступая настойчивым уговорам графа Толстого, в отдельные дни по утрам откусывал малюсенькие кусочки хлеба или просфоры, запивал их глотками липового чая, а вечерами съедал одну-две ложечки жиденькой кашицы, буквально несколько крупинок саго и иногда сушеный плод чернослива. Пищей все это назвать можно лишь условно, чисто символически. Упорно не ложился он спать в постель и ночами моление чередовал с сидением, в полудремоте, в кресле.

Именно в таком состоянии застал писателя 16 февраля доктор Тарасенков, с визита которого к больному мы и начали наш очерк. При первом осмотре он не поставил никакого определенного диагноза и причину сильнейшего телесного изнурения не установил. Он попытался убедить больного в необходимости полноценного приема пищи. В современной медицине это именуется термином рациональная психотерапия. Алексей Терентьевич настаивал, что если больной не может принимать плотной пищи, то должен употреблять больше питья, притом питательного, высококалорийного — бульона, молока.

Беседа с врачом не поколебала позиции Гоголя: “Выражение его лица нисколько не изменилось: оно было так же спокойно и так же мрачно, как и прежде; ни досады, ни огорчения, ни удивления, ни сомнения не показалось и тени. Он смотрел как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны, колебание в решении невозможно... Он в ответ произнес вятно... и хотя вяло, безжизненно, но со всею полнотою уверенности: я знаю, врачи добры: они всегда желают добра”. С тяжелым чувством уехал доктор Тарасенков из дома графа Толстого,

В понедельник, 18 февраля, наступило совершеннейшее физическое изнеможение. Более 11 лет, с 1840 г., Гоголь избегал ложиться в постель, считая, что она будет для него смертным одром. Но сейчас он уже не в силах держаться в креслах и перебрался на постель. Свалился на нее прямо в халате и сапогах и с тех пор уже не вставал.

Видя тяжелое состояние больного, духовник Гоголя отец Иоанн (Никольский) предложил ему исповедоваться, причаститься и собороваться священным елеем. Гоголь согласился с радостью. Все положенные на соборовании Евангелия он выслушал в полной памяти, держа в руках свечу, проливая слезы.

По случаю болезни первого доктора Гоголя, профессора Ф.И. Иноземцева, графиня А.Г. Толстая пригласила к пациенту в качестве основного лечащего врача А.И. Овера (1804—1864), известного московского клинициста-терапевта, профессора Московского университета, пользовавшегося большим успехом в московских великосветских кругах. Овер считал Гоголя очень трудным, мнительным пациентом, о чем высказался В.С. Аксаковой еще 1 февраля 1852 г.: “Не приведи Бог его лечить, это ужасно!” Тем не менее, он не отказался от предложения А.Г. Толстой и согласился быть лечащим врачом Гоголя. Это была его ошибка. Во-первых, полного доверия и хорошего контакта

между доктором и пациентом так и не получилось, а без того лечить больного очень тяжело. Во-вторых, Овер, как обычно, был загружен большой частной практикой, потому не имел возможности все внимание уделить Гоголю и часто перепоручал пациента то С.И. Клименкову, то другим докторам.

Впервые посетив пациента 18 февраля, профессор Овер не высказался определенно о диагнозе и не сделал, собственно, никаких назначений. Он знал о многосуточном голодании писателя, но не порекомендовал даже кормления больного высококалорийной пищей.

Наступил вторник, 19 февраля. По Москве уже расползлись слухи, что великий писатель умирает. Передняя комната дома с утра была наполнена толпою почитателей его таланта. Молча стояли они со скорбными лицами. “Встревоженный через меру” граф Толстой и другие друзья Гоголя — свидетели быстрого прогрессирования его болезни — спешно стали приглашать к нему известных московских врачей.

Первым прибыл самый молодой и наименее известный из них доктор А.Т.Тарасенков. Войдя в комнату больного, он застал горестную картину, позднее так описанную им: “Гоголь лежал на широком диване, в халате, в сапогах, отвернувшись к стене, на боку, с закрытыми глазами. Против его лица — образ Богоматери; в руках четки; возле него мальчик его и другой служитель. На мой тихий вопрос он не ответил ни слова... Я взял его руку, чтоб пощупать его пульс. Он сказал: “Не трогайте меня, пожалуйста!” Я отошел, расспросил подробно у окружающих о всех отправлениях больного: никаких объективных симптомов, которые бы указывали на важное страдание, как теперь, так и во все эти дни, не обнаруживалось; только очищения кишок не было вовсе в последние дни... Больной погрузился в дремоту, и я успел испытать, что пульс его слабый, скорый, удобосжимаемый [мягкий]; руки холодноваты, голова также прохладна, дыхание ровное, правильное”.

После Тарасенкова к больному приехал уже знакомый нам 55-летний профессор судебной медицины А.А. Альфонский, который, осмотрев пациента, не поставил определенного диагноза, но высказал мысль, что нужно попробовать “магнесизирование” (гипноз), чтобы покорить волю больного и заставить его принимать пищу.

Затем явился А.И. Овер, который согласился на проведение гипноза, “в ожидании следующего дня, в который он предложил приступить к деятельному лечению”. Но чтобы начать “деятельное лечение”, он велел созвать на 20 февраля консилиум. По существу, он хотел снять с себя личную ответственность за судьбу такого именитого пациента, разложив ее на плечи всех докторов — участников консилиума.

Между тем Гоголь находился в состоянии, которое в современной медицине обозначается термином депрессивный ступор, как можно понять из слов Тарасенкова. “Целый вторник Гоголь лежал, ни с кем не разговаривая, не обращая внимания на всех, подходивших к нему, — описывал доктор Тарасенков его состояние. — По временам поворачивался он на другой бок, всегда с закрытыми глазами, нередко находился как бы в дремоте, часто просил пить красного вина (напиток с примесью красного вина. — Авт.) и всякий раз смотрел на свет, то ли ему подают... Когда ему подносили питье, он брал рюмку в руку, приподнимал голову и выпивал все, что ему было подано”.

Вечером пришел доктор Константин Игнатьевич Сокологорский (1812—1890) для проведения сеанса гипноза. Врач положил одну руку на голову Гоголя, другую — в подложечную область и стал делать пассы. Однако Гоголь оказал сопротивление, сделав движение телом и сказав: “Оставьте меня!” Сокологорский был вынужден прекратить сеанс.

Таким образом, попытка применить суггестию (внушение) в гипнотическом сне не удалась, ибо писателя не удалось загипнотизировать.

В тот же день поздно вечером был приглашен еще один известный московский профессор — Степан Иванович Клименков (1805—1858). После окончания медицинского факультета Московского университета он работал врачом у студентов, в 1838 г. защитил диссертацию “О геморроях”, позднее стал адъюнктом кафедры государственного врачеведения. Тарасенкова, который целый день был рядом с больным, удивила грубая напористость этого врача: “Клименков... поразил меня дерзостью своего обращения. Он стал кричать с ним, как с глухим или беспамятным, начал насильно держать его руку, добиваться, что болит. “Не болит ли голова?” — “Нет”. — “Под ложкою?” — “Нет” и т.д. Ясно било, что больной терял терпение и досадовал. Наконец он умоляющим голосом сказал: “Оставьте меня!” — отвернулся и спрятал руку. Клименков советовал кровь пустить или завертывание в мокрые холодные простыни; я предложил отсрочить эти действия до завтрашнего консилиума. Между тем в этот же вечер искусным образом, когда больной перевертывался, ему вложили суппозиторий (свечу. — Авт.) из мыла, что также не обошлось без крика и стона”.

С.И.Клименков назначил кровопускание, лед на голову, обертывание мокрой простыней. О насильственном питании он даже не заикнулся. К 1852 г. кровопускание еще оставалось одним из распространенных средств в медицине — им лечили многие болезни, особенно воспалительной природы. Часто применялась модификация кровопускания в виде гирудотерапии — лечения пиявками. Но Гоголю, при его состоянии, кровопускание не только не было показано, но и могло нанести серьезный вред.

2

Пришли последние сутки его жизни — неповторимой, полной напряженного и неустанного труда, страдальческой от тяжелой болезни, невыносимо мучившей его почти все годы творчества.

В среду, 20 февраля, около полудня, собрался консилиум, на котором присутствовали доктора А.И. Овер, А.Е. Эвениус, С.К. Климанков, К.И. Сокологорский, А.Т. Тарасенков. Позднее прибыл шестой участник консилиума, И.В. Варвинский. Возглавлял консилиум А.И. Овер, считавшийся к этому дню основным врачом, лечившим великого писателя. К консилиуму он привлек двух новых докторов, еще не видевших больного. Это профессор Александр Егорович Эвениус (1795—1872) — хирург, главный врач Градской больницы, председатель физико-медицинского общества при Московском университете, и профессор Иосиф Васильевич Варвинский (1811—1878), знаменитый московский терапевт. Таким образом, к участию в консилиуме были привлечены почти все известные клиницисты Москвы; среди них четыре профессора. А всего в лечении Гоголя в трагические дни февраля 1852 г. участвовало шесть профессоров, если учесть заболевшего Иноземцева и Альфонского.

В присутствии графа А.П. Толстого, московского гражданского губернатора И.В. Капниста, А.С. Хомякова и других заинтересованных в судьбе писателя лиц. Овер доложил участникам консилиума историю болезни Гоголя. “При суждении о болезни взяты в основание его сидячая жизнь; напряженная головная работа (литературные занятия); они могли причинить прилив крови к мозгу. Усиленное стремление умерщвлять тело совершенным воздержанием от пищи, неприветливость к таким людям, которые стремятся помочь ему в болезни, упорство не лечиться — заставили предположить, что его сознание не находится в натуральном положении. Поэтому Овер предложил вопрос: “Оставить больного

без пособий или поступить с ним как с человеком, не владеющим собою, и не допускать его до умерщвления себя?” Ответ Эвениуса был: “Да, надобно его кормить насильно”, — вспоминал Тарасенков.

Врачи вошли в комнату к больному. Пациент находился в крайне тяжелом состоянии, лежа на постели с закрытыми глазами, невероятно худой, бледный; длинные волосы его были спутаны и падали в беспорядке на лицо и глаза. Он иногда тяжело вздыхал, шептал какую-то молитву, бросал мутный взор на икону, стоявшую у ног на постели, прямо против больного. Временами он вскидывал глаза на окружающих и опять закрывал их, никого не узнавая. Просил пить хриплым, тихим голосом. Мальчик подавал ему в рюмке воду, смешанную с красным вином. Гоголь немного приподнимал голову, мочил губы и опять с закрытыми глазами падал на подушку. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он находится в критическом состоянии, на грани жизни и смерти.

На вопросы врачей больной или не отвечал ничего, или говорил коротко и отрывисто “нет”, не открывая глаз. Поэтому выспросить все жалобы больного и историю заболевания его, как предписано принятой в медицине методикой обследования больного, по существу не представлялось возможным. Известны были отрывочные, неполные сведения, преимущественно со слов наблюдавших за Гоголем в последние недели, о его состоянии с момента кончины Е.М. Хомяковой.

При осмотре обнаружили крайнее истощение, бледность и сухость кожных покровов и слизистых оболочек при нормальной температуре. Дыхание было затруднено. Язык сухой, но не обложенный. “Когда давили ему живот, который был так мягок и пуст, что через него легко можно было ощупать позвонки, то Гоголь застонал, закричал. Прикосновение к другим частям тела, вероятно, также было для него болезненно, потому что также возбуждало стон и крик”. Таким образом, при ощупывании обнаруживались явления гиперестезии (повышенной чувствительности), однако не было выявлено признаков перитонита и других острых хирургических заболеваний органов брюшной полости. Учитывая наличие длительного запора, можно было бы предполагать признаки кишечной непроходимости, однако не было ни вздутия живота, ни переполненных и раздутых кишечных петель. Не прощупывались опухоли в животе, которые могли бы сдавить просвет кишки и привести к длительному запору. Кишечник был пуст, и становилось ясно, что стула нет по причине длительного голодания. Не было обнаружено и увеличения печени.

Обращал на себя внимание ускоренный пульс очень слабого наполнения, что свидетельствовало о сердечно-сосудистой недостаточности, наступившей в результате длительного изнурения тела лишением пищи, жидкости и сна. Слабый пульс, сухость кожных покровов, слизистых оболочек и языка указывали на тяжелое обезвоживание организма. И урина была густая, концентрированная, темновато окрашенная, то есть характерная для обезвоживания, когда больные мало пьют. Не было гематурии (крови в урине) и пиурии (гноя в урине), что исключало заболевания почек; урина не имела цвета пива — характерного симптома многих заболеваний печени и желчных путей.

После обследования доктора вернулись в прежнюю комнату, где обсудили диагноз и методы лечения больного. Очевидно, единого мнения высказано не было. “Судьбе угодно было, чтобы Варвинский был задержан и приехал позднее, после того как участь больного уже решена была неумолимым советом трех”, — сетует Тарасенков. Кто из докторов входил в эту тройцу — Тарасенков расшифровать постеснялся из этических соображений, ибо на них падала основная вина в неправильном диагнозе и неверной лечебной тактике. Но два врача из этой тройцы — Овер и Клименков — становятся известны из дальнейшего описания

событий. Третьим был или Сокологорский, или Эвениус. Скорее всего, первый, ибо известно, что Эвениус категорично высказался в пользу насильственного кормления.

Профессор Овер считал, что у больного менингит (воспаление мозговых оболочек), и навязывал свое мнение другим участникам консилиума. В порядке обсуждения звучали и другие возможные диагнозы, например, нервическая горячка, заболевание, которое отсутствует в современной классификации нервных болезней, но под которым в XIX веке понимали любой инфекционно-воспалительный процесс в мозге. Ныне на смену расплывчатому термину “нервическая горячка” пришли диагнозы, которые более конкретно и точно указывают на патологический процесс в центральной нервной системе — энцефалит (воспаление головного мозга), абсцесс (гнойник) мозга и другие.

Рассматривались также такие диагнозы, как брюшной тиф, воспаление кишечника, “религиозная мания” с голоданием и истощением. Но Овер настоял на диагнозе “менингит”, и консилиум большинством голосов принял именно этот диагноз! Между тем большинство типичных, классических признаков менингита (лихорадка, многократная рвота, ригидность затылочных мышц) совершенно отсутствовали у больного. В отдельные дни он жаловался, что у него “голова горит”, но сильных, упорных головных болей, характерных для менингита, у него также не было. Доктор Тарасенков, защитивший в 1845 г. диссертацию по арахноидиту (воспалению паутинной оболочки головного мозга), очевидно, лучше других участников консилиума знал нервные болезни. Он понимал, что у Гоголя, скорее всего, нет воспаления мозговых оболочек. Однако он не воспротивился диагнозу “менингит”. Очевидно, не хватило смелости. Более того, судя по воспоминаниям Алексея Терентьевича, он вообще не имел определенного, четкого мнения о диагнозе и предполагал, что у больного наблюдается резкая потеря аппетита и, соответственно, истощение от какой-то телесной (не психической) болезни.

Второй вопрос, который должны были решить участники консилиума: “оставить больного без пособий” или применить насильственное лечение? Консилиум пришел к заключению, что у больного “сознание не находится в натуральном положении”. Но эта формулировка совершенно не означала, что врачи признали у Гоголя психическое заболевание. Неадекватное поведение больного они расценивали как проявление нервной болезни, в частности, менингита. Психические и неврологические заболевания по своему характеру и сути — различные патологические процессы и лечатся разными специалистами. Лечившие Гоголя врачи, и в том числе доктор Тарасенков, не понимали, что отказ от пищи и лекарств, изменения в поведении больного обусловлены психическим заболеванием. Никто из них не был психиатром, а пригласить на консультацию специалиста-психиатра доктора не догадались или не посчитали нужным.

Консилиум счел необходимым приступить к лечению вопреки нежеланию больного лечиться, то есть осуществлять насильственную терапию. Мнение всех врачей в этом вопросе было единодушным. Однако единодушия не наблюдалось в вопросе о методах насильственной терапии. Профессор Клименков настаивал на кровопускании, ваннах и обливаниях. Его поддержали Овер и Сокологорский. Подобное лечение вытекало из поставленного на консилиуме диагноза “менингит”. Профессор Эвениус не возражал против такой терапии, но одновременно был сторонником насильственного кормления. Лишь доктор Тарасенков считал, что главным в лечении должно стать насильственное кормление высококалорийными скоромными продуктами, и стремился предостеречь от кровопускания, обливаний и других опасных для жизни ослабленного больного средств.

Однако с мнением Тарасенкова не согласились. В те времена каноны врачебной этики предоставляли участникам консилиума право быть лишь советчиками врачу, которого

пригласили для лечения родственники или близкие больного. Лечащий врач мог и не соглашаться с ними. Здесь же на стороне Овера, известного московского доктора, пользовавшегося большим уважением хозяйки дома, графини Толстой, было трое (вместе с самим Александром Ивановичем) из пяти присутствующих участников консилиума. Овер кормить принудительно почему-то не решился, хотя прекрасно видел резкое истощение больного. Для насильственного кормления необходимы были высококалорийные, самые скромные продукты: мясной бульон, сливки, молоко, яйца и т.п. Стоял же великий пост. Поэтому многие предполагают, что Овер, а иже с ним Клименков и Сокологорский испугались сурового осуждения духовенства и набожных друзей Гоголя. Но ведь даже сам митрополит Филарет, узнав о голодании Гоголя, разрешил кормить больного любыми продуктами и передавал ему, что “просит непрекословно исполнять назначения врачебные во всей полноте”! Самый набожный друг Николая Васильевича, будущий обер-прокурор Священного Синода граф А.П. Толстой, желал ради спасения писателя кормить его самыми питательными продуктами. Получается, что врачи-атеисты проявили себя более сурово, чем слуги Христа. Они хотели следовать букве, а не духу Святого писания!

А что же шестой участник консилиума, профессор И.В. Варвинский? Он опоздал, задержавшись у другого тяжелого больного, и прибыл в тот самый момент, когда все уже было решено и доктор Овер поручал Клименкову ставить пиявки к носу и провести холодное обливание головы. Коротко передал Овер Иосифу Васильевичу информацию о больном и решении консилиума. После осмотра пациента Варвинский сказал: “Желудочно-кишечное воспаление вследствие истощения. Пиявок не знаю, как вынесет, а ванну разве что бульонную...” Таким образом, Иосиф Васильевич не согласился с диагнозом “менингит” (хотя тоже не смог поставить верный диагноз), предполагал опасность и вредность кровопускания и был уверен в необходимости насильственного кормления больного. Но его суждения никто не хотел слушать: консилиум уже закончился, решение было принято, все разъезжались.

Очевидно, опоздание Варвинского оказалось роковым. Может быть, вместе с Эвениусом и Тарасенковым им бы удалось склонить Овера к мысли о необходимости насильственного кормления и предостеречь от опасных для резко ослабленного больного средств.

Доктор Клименков сразу после завершения консилиума энергично принялся за выполнение одобренных Овером процедур: обливание холодной водой головы больного, посаженного в горячую ванну, затем — кровопускание. Для исполнения предписаний консилиума возле Гоголя 20 февраля находился также врач Михаил Леонтьевич Назимов (1806—1878). Тарасенков сразу после консилиума, втайне недовольный его решениями, уехал из дома Толстых, чтобы, как он выразился, “не быть свидетелем мучений страдальца”.

С 17 до 24 часов с писателем находился доктор Тарасенков. Его горькие воспоминания об этом печальном вечере очень важны, поэтому приводим их полностью: “Когда я возвратился через 3 часа после ухода, в шестом часу вечера, уже ванна была сделана, у ноздрей висели 6 крупных пиявок; к голове приложена примочка. Рассказывают, что, когда его раздевали и сажали в ванну, он сильно стонал, кричал, говорил, что это делают напрасно; после того как его положили опять в постель без белья, голого, он проговорил: “Покройте плечо, закройте спину!”; а когда ставили пиявки, он повторял: “Не надо!”; когда они были поставлены, он твердил: “Снимите пиявки, поднимите (ото рта) пиявки!” — и стремился их достать рукою. При мне они висели еще долго, его руку держали с силою, чтобы он до них не касался. Приехали в седьмом часу Овер и Клименков; они велели подолее поддерживать кровотечение, ставить горчичники на конечности, потом мушку (возбуждающее средство) на затылок, лед на голову и внутрь отвар алтейного корня с

лавровишневой водой. Обращение их было неумолимое; они распоряжались, как с сумасшедшим, кричали перед ним, как перед трупом. Клименков приставал к нему, мял, ворочал, поливал на голову какой-то едкий спирт, и, когда больной от этого стонал, доктор спрашивал, продолжая поливать: “Что болит? А? Говорите же!” Но тот стонал и не отвечал. Они уехали, я остался во весь вечер до 12 часов и внимательно наблюдал за происходящим. Пульс скоро и явственно упал, делался еще чаще и слабее, дыхание, уже затрудненное утром, становилось еще тяжелее; уже больной сам поворачиваться не мог, лежал смиренно на одном боку и был покоен, когда ничего не делали с ним; от горчичников (поставленных на руки и ноги) стонал; по вставлении нового суппозитория вскрикнул громко; по временам явственно повторял: “Давай пить!” Уже поздно вечером он стал забываться, терять память. “Давай бочонок!” — произнес он однажды, показывая, что желает пить. Ему подали прежнюю рюмку с бульоном, но он уже не мог сам приподнять голову и держать рюмку, надобно было придержать то и другое, чтоб он был в состоянии выпить поданное. Еще позже он по временам бормотал что-то невнятное, как бы во сне, или повторял несколько раз: “Давай, давай! Ну, что же!” Часу в одиннадцатом он закричал громко: “Лестницу, поскорее, давай лестницу!..” Казалось, ему хотелось встать. Его подняли с постели, посадили на кресло. В это время он уже так ослабел, что голова его не могла держаться на шее и падала машинально, как у новорожденного ребенка. Тут привязали ему мушку на шею, надели рубашку (он лежал после ванны голый); он только стонал. Когда его опять укладывали в постель, он потерял все чувства; пульс у него перестал биться; он захрипел, глаза его раскрылись, но представлялись безжизненными. Казалось, что наступает смерть, но это был обморок, который длился несколько минут. Пульс возвратился вскоре, но делался едва приметным. После этого обморока Гоголь уже не просил более ни пить, ни поворачиваться; постоянно лежал на спине с закрытыми глазами, не произнося ни слова. В двенадцатом часу ночи стали холодеть ноги. Я положил кувшин с горячею водою, стал почаще давать проглатывать бульон, и это, по-видимому, его оживляло; однако ж вскоре дыхание сделалось хрипкое и еще более затрудненное, кожа покрылась холодной испариною, под глазами посинело, лицо осунулось, как у мертвеца. В таком положении оставил я страдальца, чтобы опять не столкнуться с медиком-палачом, убежденным в том, что он спасает человека; я хотел дать успокоение графу Толстому, который без того не уходил в свою комнату. Рассказали мне, что Клименков приехал вскоре после меня, пробыл с ним ночью несколько часов: давал ему каломель, обкладывал все тело горячим хлебом; при этом опять возобновился стон и пронзительный крик. Все это, вероятно, помогло ему умереть”.

Таким образом, Тарасенков прямо утверждает, что насильственное лечение, которому подвергся Гоголь, приблизило смерть писателя. Изложенные факты действительно подтверждают это. В течение последних двух недель заболевание прогрессировало достаточно медленно, состояние ухудшалось постепенно, сознание было сохранено. Однако после того, как состоялся консилиум и больному сделали раздражающие процедуры с резкой переменой тепла и холода (обливание ледяной водой в горячей ванне) и осуществили кровопускание путем установления пиявок к носу (восемь, а не шесть, как ошибочно пишет Тарасенков), состояние больного стало буквально на глазах ухудшаться: быстро упал и участился пульс (сердечно-сосудистая недостаточность), дыхание стало резко затруднено (дыхательная недостаточность), временами он находился в полубессознательном состоянии, временами бредил, появились галлюцинации, нарастала жажда (признак обезвоживания организма). Все эти изменения произошли всего лишь за шесть часов и последовали вслед за раздражающими ваннами и длительным кровопусканием. В 23 часа у больного после переукладывания с кровати на кресло и обратно возникла острая сердечно-сосудистая недостаточность (длительный обморок): он потерял сознание, пульс исчез, зрачки расширились. В 24 часа, когда Тарасенков оставил пациента, тот находился в преагональном состоянии. Характерно, что когда Алексей Терентьевич давал больному миниатюрными порциями (в рюмке) подкрашенный красным вином бульон, пациент сразу

несколько оживлялся; очевидно, у него из-за крайнего истощения была гипогликемия (снижение содержания сахара в крови). Но Алексей Терентьевич не решился нарушить предписания Овера и по-настоящему, калорийными продуктами покормить больного.

Гоголь уже уходил, уходил в иной мир. Галлюцинации, которые наблюдались у больного в одиннадцатом часу вечера, скорее всего, имели потустороннее, небесное, божественное содержание. Он просил лестницу, ту лестницу, о которой рассказывала ему в детстве бабушка. Образ этой лестницы врезался ему в память на всю жизнь, и он часто возвращался к ней мысленно и в своих письмах. Сейчас душа его отлетала в иной мир, и он просил в беспмятстве лестницу, чтобы по ступенькам ее взойти наконец т у д а , в Царство Небесное.

Ночью сознание периодически возвращалось к умирающему. Дыхание его было хриплым, пульс едва-едва прощупывался, кожные покровы на отдельных участках из-за нарушения кровообращения приобрели темновато-синюю окраску, что обозначается в медицине термином акроцианоз, ноги похолодели. Приехавший ночью Клименков продолжал бесполезные для больного процедуры: дал каломель, зачем-то обкладывал тело горячим хлебом. Этими ненужными процедурами он несколько не помогал больному, а только суетился и мешал ему. Гоголь, приходя в сознание, из последних сил стонал, просил оставить его в покое. Он хотел умереть, а Клименков не понимал этого. Наконец доктор убрался восвояси.

Установилась глубокая ночная тишина в комнате, где один на один с приближающейся смертью оставался человек, не желающий больше оставаться в этом суетном, беспокойном, лживом и неустроенном мире. Он пришел в него Писателем и все, что мог, что позволила ему болезнь, уже выразил в своих творениях. Больше писать он не мог, а тянуть дни и ожидать глубокой старости он не хотел. Он, истинный христианин, глубоко верующий человек, стоял перед Дверью и с восторженным умилением ожидал, когда она раскроется и он наконец взойдет в Царство Небесное. “Как сладко умирать!” — прошептали в необъяснимом упоении его губы. И он, всегда мучившийся от бессонницы, уснул спокойным и глубоким сном.

Елизавета Фоминична Вагнер, теща историка М.П. Погодина, дежурила у умирающего писателя остаток ночи и утра. Она свидетельствовала: “...Наш добрый Николай Васильевич скончался... По-видимому, он не страдал, ночь всю был тих, только дышал тяжело; к утру дыхание сделалось реже и реже, и он как будто уснул...” Она была единственной свидетельницей смерти писателя. Гоголь умер во сне, как уходят, согласно народной примете, Богом любимые люди.

Ушел он в 8 часов утра 21 февраля 1852 г., оставив навечно свои творения, в которых яркий, сочный, брызжущий весельем мир тесно переплетен с горьким, ироничным, пронзительно печальным: два лица его жизни, два лица его литературного творчества. “Горьким словом моим посмеюся”.

Несмотря на то, что Гоголя считали тяжелым, почти безнадежным больным, он умер раньше, чем предполагали доктора. Его смерть стала неожиданностью для консультантов, которые хотели собраться вновь у постели больного в 10 часов утра четверга, а Овер обещал приехать еще позже. Доктор А.Т. Тарасенков, тоже не ожидавший быстрой кончины, так описал увиденное в комнате покойного писателя: “В десятом часу утра, в четверг 21 февраля 1852 г., я спешу приехать ранее консультантов, которые назначили быть в десять (а Овер — в час), но уже нашел не Гоголя, а труп его: уже около восьми часов утра прекратилось дыхание, исчезли все признаки жизни... Умерший лежал уже на столе, одетый

в сюртук, в котором он ходил; над ним служили панихиду; с лица его снимали маску... Долго глядел я на умершего: мне казалось, что лицо его выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную с собою за гроб”.

Скульптор Н.А.Рамазанов снял с Гоголя посмертную маску: лицо Гоголя было умиротворенно, спокойно.

Для нас остается не ясным, кто из врачей зафиксировал смерть. Тарасенков прибыл на квартиру писателя первым из докторов, но застал тело Гоголя уже обмытым и одетым в сюртук. Аутопсия (вскрытие тела) не производилась. В официальном документе о смерти коллежского асессора Н.В. Гоголя было указано, что он умер “от простуды”, что было явной фальсификацией по непонятным для нас мотивам. Никаких признаков простуды в январе-феврале 1852 г. у писателя не было. Что же тогда стало причиной смерти?

Врачи разошлись во мнении и относительно диагноза, и относительно причины смерти: менингит, “нервическая горячка”, гастроэнтерит, воспаление кишечника, “религиозная мания” и связанное с нею голодание. После консилиума большинство решило присоединиться к мнению Овера и признало “менингит”. Но такой диагноз ошибочен. Молодой, но вдумчивый и талантливый врач Тарасенков, критикующий точку зрения Овера, сам, однако, затруднился с постановкой диагноза и даже через несколько лет после смерти писателя, когда писал свой очерк “Последние дни жизни Н.В.Гоголя”, ретроспективно не поставил определенного диагноза и, несмотря на то, что также был участником консилиума, как бы отстранил себя от ответственности за принятые решения.

После кончины писателя различными авторами были выдвинуты следующие версии: летаргический сон с последующей гибелью в могиле от недостатка кислорода, отравление или самоотравление каломелем, намеренное лишение себя пищи с развитием тяжелой алиментарной дистрофии, брюшной тиф, спинная сухотка, депрессивный психоз с отказом от пищи и другие.

Прежде всего мы должны опровергнуть две совершенно фантастические версии. До сих пор в сознании многих людей укоренилось мнение, что Гоголь умер воистину ужасно — под землей, в темноте и тесноте гроба. Версия летаргического сна оказалась необыкновенно живучей. Рукою И.Ю. Булкина совсем недавно выведено: “Сегодня практически достоверно известно, что Гоголь умер дважды. Второй раз это произошло уже в гробу. Видимо, писатель не умер, а впал в состояние летаргического сна, а когда очнулся, то оказался под землей... Об этом свидетельствует неестественно скрученное тело писателя и изорванная обивка гроба” .

Действительно, Гоголь был подвержен обморочным и сомнамбулическим состояниям. Это пробудило в сознании писателя страх быть принятым за умершего и оказаться заживо погребенным. Поэтому первую главу “Выбранных мест из переписки с друзьями” он начинает такими странными словами: “Находясь в полном присутствии памяти и здравого рассудка, излагаю здесь свою последнюю волю. Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться...”

Как известно, Гоголя похоронили на погосте Данилова монастыря в Москве, а 31 мая (по новому стилю) 1931 г. прах писателя перенесли на Новодевичье кладбище. Данилов монастырь преобразовывался в колонию для малолетних преступников, в связи с чем его некрополь подлежал ликвидации. Во время эксгумации, которая проводилась в условиях

определенной секретности, у могилы Гоголя собралось всего лишь около 20 человек, среди которых были писатели Вс. Иванов, В. Луговской, М. Светлов, Ю. Олеша, В. Лидин, историк М. Барановская.

Писатель В. Лидин стал по существу единственным источником сведений об эксгумации Гоголя. Вначале он рассказывал о перезахоронении студентам Литературного института и своим знакомым, позднее оставил письменные воспоминания. Рассказы Лидина были неправдивы и противоречивы. Именно он утверждал, что дубовый гроб писателя хорошо сохранился, обивка гроба изнутри была изорвана и исцарапана, в гробу лежал скелет, неестественно скрученный, с повернутым набок черепом. Так с легкой руки неистощимого на выдумки Лидина и пошла гулять по Москве страшная легенда о том, что писатель был похоронен заживо.

В дальнейшем, противореча себе, Лидин уже утверждал, что черепа в гробу вообще не оказалось, а по пути из Данилова монастыря в Новодевичий кое-кто из присутствующих не удержался и прихватил на память некоторые реликвии: один — ребро Гоголя, другой — берцовую кость, третий — сапог. Сам Лидин, если верить ему, оторвал кусок материи “табачного цвета” от якобы хорошо сохранившегося сюртука писателя и переплел этим куском один из томов собрания сочинений Гоголя, который затем любил показывать своим гостям.

Чтобы понять несостоятельность версии летаргического сна, достаточно вдуматься в следующий факт: эксгумация была произведена через 79 лет после захоронения! Известно, что разложение тела в могиле происходит невероятно быстро, и по истечении всего лишь нескольких лет от него остается лишь костная ткань, причем обнаруженные кости уже не имеют тесных соединений друг с другом. Непонятно, как могли по истечении восьми десятилетий установить какое-то “скручивание тела”. Недовольные лидинской версией сразу после его рассказов нашли объяснение и повороту черепа: первыми подгнили у гроба боковые доски, крышка под тяжестью грунта при этом опустилась, надавила на голову мертвеца, и та повернулась набок на так называемом “атлантовом” позвонке.

А что остается от деревянного гроба и материала обивки по истечении 79 лет пребывания в земле? Они настолько изменяются (гниют, фрагментируются), что установить факт “исцарапывания” внутренней обивки гроба совершенно невозможно.

Есть много других опровержений версии летаргического сна Гоголя. Сошлемся лишь на воспоминания скульптора Н.А. Рамазанова, снимавшего посмертную маску писателя. Он прямо указывал на следы разрушения тканей, посмертные изменения, увиденные им на лице покойного.

Так же фантастична и нереальна версия отравления Гоголя лекарственными веществами и, в частности, каломелем. К. Смирнов в 1995 г. в журнале “Чудеса и приключения” опубликовал статью “Самосожжение Гоголя” — результат врачебной ошибки!” Ниже заголовка крупными буквами набран подзаголовок: “Гоголь не уморил себя голодом, не сошел с ума, не умер от менингита, он был отравлен в р а ч а м и !” По версии автора статьи, врачи по небрежности отравили писателя ртутьсодержащим препаратом каломелем. Якобы каждый приступавший к лечению эскулап “пичкал Гоголя” этим лекарством. Вначале каломель дал больному профессор Иноземцев, который через несколько дней заболел сам и перестал наблюдать пациента. Писатель перешел в руки Тарасенкова, который, не зная, что Гоголь уже принял “опасное лекарство”, мог еще раз прописать ему каломель. В третий раз Гоголь получил каломель уже от Клименкова. Таким образом, по мнению Смирнова, больной трижды получил “опасное лекарство”.

Свою версию Смирнов обосновывает так: “Особенность каломеля заключается в том, что он не причиняет вреда лишь в том случае, если сравнительно быстро выводится из организма через кишечник. Если же он задерживается в желудке, то через некоторое время начинает действовать как сильнейший ртутный яд сулема. Именно это, по-видимому, и произошло с Гоголем: значительные дозы принятого им каломеля не выводились из желудка, так как писатель в это время постился и в желудке его просто не было пищи. Постепенно увеличивающееся в его желудке количество каломеля вызвало хроническое отравление”. Автор также утверждает, что больной имел-де симптомы отравления ртутью, отнеся к таковым “густую темную урину”, носовое кровотечение, слабый пульс и жажду.

Но известно, что Иноземцев не прописывал каломеля, а назначил спиртные натирания живота, лавровишневую воду и ревенные пилюли. Тарасенков также не назначал каломель. Лишь доктор Клименков за несколько часов до смерти, в ночь на 21 февраля, однократно, в лечебной дозе, дал Гоголю каломель. Однако писатель к тому времени находился уже в безнадежном, предагональном состоянии. Других назначений каломеля в январе-феврале 1852 г. не было.

Но даже если допустить, что писателю дали каломель не однажды, а несколько раз, это совершенно не доказывает, что произошло отравление организма. Ведь каломель — распространенное лечебное средство того времени, применявшееся очень часто у многих и многих больных.

Версия К. Смирнова противоречит основам физиологии пищеварения. Даже у голодающего человека принятые лекарства не скапливаются в желудке, образуя какое-то депо препарата, а под влиянием перистальтики, активных сокращений стенок желудка и кишечника продвигаются по просвету пищеварительного тракта. Желудок при голодании не остается пустым: продолжается выделение желудочного сока в объеме около 500 мл в сутки. Сохраняется также выделение в просвет тонкой кишки желчи, сока поджелудочной железы и кишечного сока. Принятое голодающим человеком лекарство как во время нахождения в желудке, так и при передвижении по кишечнику подвергается метаболизму, распаду под влиянием ферментов и других активных веществ, содержащихся в физиологических соках желудочно-кишечного тракта.

Кроме того, приводимые им симптомы не являются типичными для отравления и совершенно не доказывают его наличия. Неизвестно, откуда, из какого руководства “откопал” их автор. Для ртутного отравления характерны следующие признаки: резкая, нестерпимая боль в животе, рвота, сильный понос с кровью, возникающий через несколько часов после принятия яда; медно-красная окраска слизистых оболочек рта и глотки, темная кайма сернистой ртути на деснах, кровоточивость десен, увеличение лимфатических узлов. Через двое-трое суток развивается острая почечная недостаточность с полным прекращением образования и выделения урины. Симптомы эти отсутствовали у Гоголя.

Стоит заметить, что в конце жизни Гоголь к аптечным лекарствам относился скептически; считал их ядами, решительно отказывался от них сам и не советовал принимать другим. Когда врач выписывал ему какое-нибудь лекарство, он, как правило, не принимал его!

Мог ли Николай Васильевич сам, по собственной воле, принять какое-либо ядовитое вещество или лекарство с целью отравления? Ведь после трагической кончины Хомяковой он находился в тяжелой депрессии, а в таком состоянии люди склонны к суициду.

В пользу версии самоотравления могла бы говорить беседа Гоголя с доктором Тарасенковым 16 февраля. Когда врач объяснял пациенту, что ему необходима жидкая высокопитательная пища, Гоголь вдруг спросил его: “Я одну пилюлю проглотил, как последнее средство; она осталась без действия; разве надобно пить, чтоб прогнать ее?” Из этого высказывания отдельные авторы сделали ошибочное заключение, что “последнее средство”, упоминаемое Гоголем, — это ртутный яд каломель или другое ядовитое лекарство, которым писатель якобы отравил себя.

Однако верно ли Трасенков понял и передал смысл фразы? Но даже если это и так, то от одной пилюли любого лекарственного вещества отравления не возникнет! Кроме того, для православного, истинно верующего человека, каким был писатель, отравление лекарством или другая активная форма самоубийства (повешение, утопление и т.п.) — страшный грех, совершить который Гоголю было невозможно. Тем более, в такое время, когда он ждал приближающейся смерти, а следовательно, Царства Небесного, боясь попасть в ад. Мучимый депрессией, он мог пассивно ожидать смерти и приближать ее, изнуря себя голодом, отказом от питья и сна, но на настоящий, активный суицид, в соответствии со своей религиозностью, он не был способен. Еще раз подчеркнем, что симптомов отравления ядами у больного не было во всё время болезни и никто из медицинских светил не нашел объективных признаков отравления.

Во второй половине XIX века знаменитый итальянский психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо, никогда не видевший и не лечивший писателя, бездоказательно заявил, что Гоголь умер от “*tabes dorsales*”. Так на латинском языке именуется спинная сухотка, то есть сифилитическое поражение спинного мозга. Симптомы спинной сухотки возникают через 10—20 лет после заражения человека сифилисом и заключаются в стреляющих болях в позвоночнике, нарушении чувствительности в ногах, неустойчивой походке с потерей равновесия и других проявлениях. Этому тяжелому недугу, кстати, был подвержен друг Гоголя поэт Н.М. Языков, у которого в результате болезни возникла полная обездвиженность (паралич) ног. Однако сам Гоголь не мог страдать спинной сухоткой. Во-первых, он никогда не заразился и не болел сифилисом (многие биографы даже считают, что Гоголь в течение всей жизни не имел ни одного полового сношения). Во-вторых, у него полностью отсутствовали наиболее типичные симптомы спинной сухотки. Таким образом, версия Ломброзо совершенно бездоказательна.

Что Гоголь умер от брюшного тифа, утверждается многими уже полтора столетия. Может быть, потому, что в январе-феврале 1852 г. в Москве наблюдалась вспышка заболеваемости брюшным тифом. Болели многие от мала до велика. Именно от тифа умерла 35-летняя Екатерина Хомякова, которую во время болезни навещал Гоголь. Он мог заразиться как от нее, так и от других брюшнотифозных больных.

Эту версию в 1967 г. постаралась аргументировать в своей статье А. Бельшева. Автор нисколько не сомневается в том, что писатель “умер от тифа”. Факт этот будто бы был намеренно скрыт от публики, чтобы не повредить репутации профессоров, которые неправильно поставили диагноз и потому неверно лечили писателя. Автор даже высказывается в том духе, что в гибели Гоголя якобы было заинтересовано царское правительство, тогда как на самом-то деле Николай I хорошо относился к “Тогелю”, как он называл писателя.

Для доказательства своей надуманной версии А. Бельшева не погнушалась даже подтасовкой цитат. Одну из записей доктора Тарасенкова она процитировала так: “...доведенный продолжающимся тифом до необыкновенного изнеможения”, хотя у Алексея

Терентьевича и в мыслях не было ставить диагноз брюшного тифа Гоголю, а в подлиннике фраза звучит совсем иначе.

Точно так же голословен В. Мильдон, утверждая, что Гоголь не имел “сумасшествия” и не мог умереть от истощения. Автор пишет: “Сумасшествие и голодание нужно сразу отбросить как ни на чем, кроме недоразумения, не основанные”. Медицинский непрофессионализм автора виден и в непонятном термине “ранний быстрый склероз”, от которого-де и скончался писатель. Что это за заболевание, которого нет ни в одной медицинской классификации болезней? Если автор имеет в виду атеросклероз, то при этом заболевании сосудов летальный исход наступает не сам по себе, а почти исключительно в результате осложнений — инфаркта миокарда и мозгового инсульта. Ничего этого и в помине не было у больного.

Широко распространенная точка зрения, что Гоголь ушел из жизни не по причине своей болезни, а сознательно, находясь в “ясной памяти и здравом рассудке”, лишил себя жизни длительным голоданием, — тоже грубое искажение истины.

3

Так была ли душевная болезнь у Н.В. Гоголя?

Подобно А. Вуколову и В. Мильдону, миллионы горячих поклонников Гоголя, живущих в разных странах мира, клятвенно и коленопреклоненно утверждают и будут утверждать, что их любимый писатель не имел и не мог иметь душевной болезни!

Что тут возразить? Очевидно, прилизанный и приглаженный образ автора “Мертвых душ” более по душе этим людям. Но, пытаясь обелить Гоголя, они невольно бросают тень на него, ибо становится невозможно объяснить некоторые черты писателя — эгоцентризм, черствость и равнодушие к родным и близким, булимия, капризность и нелепость поведения и многие другие, которые на самом деле были проявлением его болезни.

Нет “стыдных” болезней! Болезнь приходит к человеку и властно захватывает его тело, а иногда — и душу, какой бы хороший или знаменитый он ни был. Душевная болезнь Гоголя — не вина, а беда его, это — невероятные страдания и мучения, затруднившие его творчество и приведшие к такой ранней кончине!

Очень важно подчеркнуть еще одно обстоятельство. Вульгарное и обывательское слово “сумасшествие”, употребляемое в разговорной речи непрофессионалов, совершенно не совпадает по значению с научно-медицинским термином “психическое расстройство”. Среди врачей слово “сумасшествие” вообще не используется. Психические заболевания имеют самые разнообразные проявления, и только самые грубые, явно бросающиеся в глаза нарушения психики, очевидные даже для непосвященных, связываются с понятием “сумасшествия”. Более тонкие проявления душевной болезни Гоголя, захватывающие преимущественно сферу эмоций, ускользают от внимания непрофессионалов.

Впервые раскрыл всем глаза на болезнь и истинную причину смерти великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя спустя полвека после его кончины известный российский психиатр, профессор Н.Н. Баженов. Он утверждал, что Гоголь “в течение последних 15—20 лет жизни... страдал тою формой душевной болезни, которая в нашей науке носит название периодического психоза, в форме так называемой периодической меланхолии” и умер во время депрессивного приступа этой болезни. По Н.Н.

Баженову, в результате тяжелого приступа душевной болезни больной не смог больше жить и перестал принимать пищу.

Это было очень смелое заявление. На какое-то время известный психиатр даже подвергся обструкции со стороны любителей и знатоков литературы, поклонников Гоголя и даже своих коллег. Возмущались: “Как смел он поднять руку на гордость России! Как можно писать такое о великом Гоголе?” А между тем еще при жизни писателя наиболее близкие знакомые Гоголя отмечали странности в его поведении. Слухи о том, что Гоголь безумен, возникли уже во второй половине 1840-х годов.

Дочь известного писателя С.Т. Аксакова Вера Сергеевна в конце 1846 г. в двух письмах сообщала своим родственникам, что Николай Васильевич “не совсем в здравом уме”. Когда вышли в свет “Выбранные места из переписки с друзьями”, сомнения в психическом здоровье Гоголя усилились. Бескомпромиссный и беспощадный Виссарион Белинский прямо написал писателю: “Или вы больны и вам надо спешить лечиться, или... не смею досказать моей мысли!..” И.С. Тургенев, встречавшийся с Николаем Васильевичем незадолго до его смерти, был наслышан о странностях в поведении Гоголя и записал, что у того “что-то тронулось в голове... Вся Москва была о нем такого мнения”.

Гоголь, однако, при жизни ни разу не осматривался психиатром, а врачи других специальностей почему-то не подозревали у него психического заболевания. Поэтому конкретную форму душевной болезни Гоголя начали устанавливать лишь после его смерти, ретроспективно.

Вслед за Н.Н. Баженовым, в 1903—1904 гг., свой анализ болезни Гоголя обнародовал другой известный психиатр, профессор Юрьевского университета В.Ф.Чиж, который не согласился с диагнозом Баженова “периодическая меланхолия” и заявил, что точный диагноз психического заболевания Гоголя не имеет большого значения и ретроспективно едва ли возможен.

Утверждение, что Гоголь страдал шизофренией, выдвинул в 1926 г. екатеринбургский психиатр Г.В. Сегалин в журнале “Клинический архив гениальности и одаренности”. У Сегалина по сей день много сторонников, в том числе и среди зарубежных психиатров.

Израильские ученые из Центра психического здоровья университета имени Бен Гуриона во главе с профессором В.Е. Лернером поставили такой развернутый диагноз великому российскому писателю: “Биполярное аффективное расстройство, неуточненное, возникшее на фоне нарцисстического расстройства личности”.

Различные ученые выдвигают и другие диагнозы: аффективная психопатия, депрессивный невроз, постмаларийный психоз. Словом, единого мнения о точном диагнозе психического заболевания Гоголя до сих пор нет.

30-летнее изучение исторических и документальных материалов, связанных с жизнью Гоголя, длительные и нелегкие размышления о его заболевании позволили мне сформировать мнение, перешедшее затем в стойкое убеждение, что Николай Васильевич Гоголь страдал маниакально-депрессивным психозом. Но чтобы дорогой читатель понял, что собой представляла душевная болезнь Н.В. Гоголя, совершенно необходимо познакомить его с некоторыми азами психиатрии.

Современное представление о маниакально-депрессивном психозе как самостоятельном заболевании было создано немецким психиатром Крепелином в самом конце XIX — начале XX века. Еще какое-то время ушло на повсеместное признание такого диагноза и его внедрение в широкую клиническую практику. Таким образом, во времена Гоголя психиатры и врачи других специальностей о таком психическом заболевании не знали и именно такого конкретного диагноза, естественно, поставить не могли. Хотя подобные больные, конечно, были во все времена. Им просто ставили диагнозы других психических заболеваний, а иногда признавали за людей со здоровой психикой.

Профессор Н.Н. Баженов ретроспективно поставил Н.В. Гоголю диагноз “периодическая меланхолия”, обратив внимание на то, что в жизни писателя чередовались приступы болезненно угнетенного и необычайно веселого настроения. Так вот, старый термин “периодическая меланхолия” наиболее близко подходит к современному диагнозу “маниакально-депрессивный психоз”.

Маниакально-депрессивный психоз — это расстройство прежде всего эмоциональной сферы.

Эмоция (от лат. *emovere*. — возбуждать, волновать) — душевное волнение, переживание. Эмоции существенно влияют на другие психические процессы и даже определяют их. Они ускоряют или замедляют мышление, повышают или понижают продуктивность физической и умственной работы. Эмоциональное состояние сказывается на общем самочувствии и деятельности внутренних органов.

Что же касается маниакально-депрессивного психоза, то он протекает в форме чередования приступов или фаз — маниакальной и депрессивной. Приступы, продолжающиеся по нескольку недель или месяцев, без определенной последовательности повторяются в течение всей жизни больного и часто разделены светлыми промежутками, когда человек выглядит совершенно здоровым.

Для маниакальной фазы характерна триада основных симптомов: необычайно повышенное настроение (мания), ускоренное мышление, возбуждение двигательной сферы.

Депрессивная фаза проявляется тремя противоположными основными признаками: угнетенным, тоскливым настроением (депрессия), торможением интеллектуальной деятельности, заторможенностью в двигательной сфере.

Фазы с наименее выраженными эмоциональными нарушениями называют гипоманиакальными (гипомании) и субдепрессивным (субдепрессии).

Но это лишь основные признаки, в действительности проявлений маниакально-депрессивного психоза значительно больше, специфические расстройства охватывают очень многие сферы жизнедеятельности человека.

Николай Васильевич Гоголь-Яновский имел очень плохую наследственность. Современники отмечали у матери писателя, Марии Ивановны Гоголь-Яновской (урожд. Косяровской), родившей Никошу в 18-летнем возрасте, нарушения в психической сфере. К слову, школьные товарищи Николая прямо называли ее “ненормальной”. Она была то чересчур весела, оживлена, делала бессмысленные покупки, оставляя семью без средств, то вдруг становилась мрачной и угнетенной, долгими часами сидя в одной и той же позе с безжизненным выражением лица.

Отец писателя, дворянин Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, страдал припадками, во время которых вдруг впадал в апатию, жестокую тоску и бросал все свои дела. Временами становился неудержимо весел, беспрестанно шутил, с блеском рассказывал комичные истории и анекдоты. По его же словам, он был вынужден прикрывать под видом веселости сильную печаль, “происходящую от каких-то страшных воображений”. Ему часто снились сны необычного, нереального содержания, и он охотно верил им. Именно во сне он увидел свою невесту, которой было тогда всего... 7 месяцев, а затем почти 14 лет дождался, когда она подрастет, чтобы жениться на ней. Умер Василий Афанасьевич рано, в 48-летнем возрасте, и перед скоропостижной смертью слышал “голоса”, предвещающие ему смерть.

Важно отметить, что и отец, и мать писателя имели симптомы, напоминающие маниакально-депрессивный психоз. Известно, что заболевание это передается по наследству, причем если больны оба родителя, то по статистике заболевают 67% детей.

По нашему мнению, Николай Васильевич Гоголь-Яновский заболел маниакально-депрессивным психозом в 21-летнем возрасте, во второй половине 1830 г., и болезнь его началась с гипоманиакальной фазы. Гипомания сохранялась долго, захватив всю первую половину 1831 г.

Есть свидетельства литератора М.Н. Лонгинова о необычно веселом Гоголе того времени. В начале 1831 г. Николай Васильевич устроился домашним учителем к Лонгиновым и обучал Михаила и двух его братьев. Гоголь буквально поражал учеников своей веселостью, жизнерадостностью; “рассказы его были уморительны”.

Именно в период первой гипомании, со второй половины 1830 г., Гоголь работал над “Вечерами на хуторе близ Диканьки”. Как это часто встречается при душевных болезнях, Николай Васильевич даже и не подозревал, что заболел. Для писателя это был период невероятного подъема, упоения, повышенного умственного и физического тонуса. Невольно поражает, с какой быстротой написал он это произведение, занимаясь им лишь поздними вечерами и ночами, после изнурительного многочасового рабочего дня писца. Но какое свежее, колоритное и сочное произведение вышло! “Вечера...” изумили самого Пушкина искренней, непринужденной, настоящее веселостью.

Из психиатрической науки известно, что в состоянии мании и гипомании все психические процессы (восприятие, запоминание, мышление) протекают легко. Для литератора гипоманиакальное состояние — благо, перо его начинает буквально летать по бумаге, ассоциации возникают очень быстро, воображение легко рисует в голове сюжеты, диалоги, описания природы.

Установлено, что некоторые писатели, художники и музыканты прошлого страдали скрытой или явной формой маниакально-депрессивного психоза. На фазы гипомании и маний, относимых биографами к периодам творческого вдохновения, выпадали все успехи этих людей — лучшие произведения, картины, музыкальные сочинения. По современным представлениям психиатров гипоманиакальное состояние способствует невероятному взлету, подъему, славе у людей творческих профессий.

Если пересмотреть весь творческий путь Гоголя с учетом фаз его болезни, то выясняется, что все самые лучшие свои произведения или лучшие части произведений писатель сочинил, пребывая в гипоманиакальном или (значительно реже) маниакальном состоянии. И в самом деле, такие чудные, дивные, волшебные-сказочные картины природы — описание степи в “Тарасе Бальбе”, Днепра в “Страшной мести” — можно было бы создать,

находясь в совершенно нереальном, неземном состоянии — так они прекрасны и фантастичны!

Наоборот, во время депрессивной фазы заболевания работоспособность писателя и, соответственно, его творческая активность резко снижались. Он вымучивал слова, образы, но ничего не получалось — художественная проза из-под его пера в периоды депрессии выходила блеклой, серой и невыразительной.

Анализ показывает, что первая депрессивная фаза наступила у Гоголя в конце июня 1832 г. Николай Васильевич к тому времени благополучно работал старшим учителем истории в Патриотическом институте. В середине июня он взял отпуск и отправился из Петербурга на родину, в малороссийскую Васильевку. Никаких внешних поводов и причин для депрессии не было, но так часто и бывает при маниакально-депрессивном психозе. Перед отправлением в путь Гоголь почувствовал какое-то недомогание, а своему другу А.С. Данилевскому в письме сообщил, что неожиданно сильно похудел. По пути в Васильевку Гоголь 30 июня останавливается в Москве и вдруг чувствует себя совершенно больным, что заставляет его задержаться в городе на полторы недели. Болезнь его подтверждена документально в письмах к матери от 4 июля и к своему гимназическому товарищу Н.Я.Прокоповичу от 8 июля, свидетельством профессора М.П. Погодина и мемуарами писателя С.Т. Аксакова. Последний вспоминал: “...Гоголь сказал про себя, что он был прежде толстяк, а теперь болен... он удивил меня тем, что начал жаловаться на свои болезни, и сказал даже, что болен неизлечимо. Смотря на него изумленными и недоверчивыми глазами, потому что он казался здоровым, я спросил его: “Да чем же вы больны?” Он отвечал неопределенно и сказал, что причина болезни его находится в кишках”. По рекомендации М.П. Погодина Гоголь обращался за медицинской помощью к терапевту, профессору Московского университета И.Е. Дядьковскому.

Отправившись через некоторое время в путь, Гоголь из-за нездоровья вынужден был 17 июля остановиться в Полтаве и показаться сразу нескольким докторам, осмотром которых остался недоволен: “Что-то значит хилое здоровье! Приехавши в Полтаву, я тотчас объездил докторов и удостоверился, что ни один цех не имеет меньше согласия и единодушия, как этот... Теперешнее состояние моего здоровья таково: понос прекратился, бывает даже запор. Иногда мне кажется, будто чувствую небольшую боль в печенке и в спине; иногда болит голова, немного грудь. Вот все мои припадки... Остаток лета, кажется, будет чудо; но я, сам не знаю отчего, удивительно равнодушен ко всему. Всему этому, я думаю, причина болезненное мое состояние”.

Приехав в Васильевку, Гоголь без особого лечения почувствовал себя лучше, но временами на него нападала хандра. Возвратившись осенью в Петербург, 25 ноября 1832 г. он пишет в письме Погодину: “Я, покамест, здоров и даже поправился. Следствие ли это советов Дядьковского, которыми он меня снабдил на дорогу, или здешнего моего врача Гаевского, который одобряет многое, замеченное Дядьковским, только я чувствую себя лучше против прежнего. Досада только, что творческая сила меня не посещает до сих пор”.

Ипохондрические жалобы исчезли, но меланхолия, депрессия сохранялись у писателя до конца зимы. Гоголь жаловался в письмах: “Ум в странном бездействии; мысли так растеряны, что никак не могут собраться в одно целое”. “Как-то не так теперь работается! Не с тем вдохновенно-полным наслаждением царапает перо бумагу”. Последнее письмо отправлено 20 февраля 1833 г. После этого жалобы Гоголя на меланхолию исчезли, наступил светлый, здоровый период.

Таким образом, первый приступ депрессии продолжался восемь месяцев — с конца июня 1832 г. по конец февраля 1833 г. Он был достаточно типичен для начальных стадий маниакально-депрессивного психоза, проявившись в виде ипохондрических жалоб: какие-то непонятные, неопределенные боли в различных участках тела, запоры, похудание, равнодушие, безволие. При этом окружающие совершенно не заметили изменений внешнего вида “больного”, то есть никаких объективных признаков соматического заболевания не было. Поэтому и врачи терялись в догадках, пытаясь отыскать и не находя поражения внутренних органов, ибо причина болезни таилась не в органах, а в психике пациента. Потому, вероятно, и ставились различные диагнозы, назначалось разное лечение, что так разочаровало Гоголя во врачебном “цехе”. Очевидно, приступ депрессии прошел не под влиянием советов и назначений Дядьковского, Гаевского и других врачей, а самопроизвольно, как обычно бывает при маниакально-депрессивном психозе.

Несколько месяцев светлого промежутка, во время которых писатель интенсивно и напряженно работал, сменились новым приступом депрессии. С июля 1833 г. состояние литератора вновь резко ухудшается: появились апатия, безволие, тоска, тревога, снижение работоспособности. Произошел своего рода “умственный запор”: начатые произведения не удовлетворяли его, он их бросал, жёг, начинал новые и снова — неудачно. Этот приступ депрессии продолжался до ноября 1833 г.

Так, начиная с 1830 г., с 21-летнего возраста и до последних дней своих, то есть более 20 лет, великий писатель страдал неизлечимым душевным заболеванием. Маниакальные или гипоманиакальные состояния, продолжавшиеся от нескольких недель до нескольких месяцев, сменялись фазами депрессии или субдепрессии — сразу или (чаще) после различной длительности светлого промежутка.

Словом, течение болезни Гоголя можно разделить на четыре периода:

1. 1830—1836 гг. Начало болезни. Преобладание маниакальных и гипоманиакальных состояний, большие светлые промежутки, глубина депрессий небольшая с преобладанием ипохондрических жалоб. Расцвет творческой активности, “золотые” годы писателя.

2. 1837—1841 гг. Манифестация болезни. Частые смены маниакальных (гипоманиакальных) и депрессивных фаз, увеличение глубины и продолжительности депрессий, усложнение клинической картины приступов с появлением новых симптомов. Творчество достаточно стабильно.

3. 1842—1847 гг. Прогрессирование заболевания. Симптоматика утяжеляется. Расцвет сверхценных идей величия, появление бреда самообвинения и самоуничужения, суицидальных мыслей. Выраженные мании отсутствуют, гипоманиакальные состояния редки и кратковременны, характерно значительное преобладание депрессивных фаз. Снижается мыслительная деятельность, резко затрудняется литературное творчество. Преобладание писем пророческого и религиозно-мистического содержания.

4. 1848—1852 гг. Период угасания. Дальнейшее прогрессирование заболевания. Характерны сверхпродолжительные стойкие депрессии, разделенные короткими светлыми промежутками. Влияние психического заболевания на функционирование внутренних органов, телесные расстройства, раннее старение, кахексия. Бесплодные муки творчества. Депрессивный ступор. Смерть.

Как же не правы те, кто утверждал и утверждает, что Гоголь был здоров!

Они что — не читали писем Гоголя? Ведь почти в каждом письме он жалуется на свое нездоровье или описывает те нарушения, которые у него были!

Мы нашли 439 документов (письма Гоголя, переписка окружающих его лиц, воспоминания о нём), в которых говорилось о болезни Гоголя или описывались те изменения в его организме, которые характерны для патологии нервной и психической сферы человека. Изучение этих материалов и размышления над ними и легли в основу нашего очерка.

Один из выраженных кризисов болезни, с яркой клинической симптоматикой и резким переходом одной фазы в другую случился в 1840 г., в самом начале второго заграничного путешествия писателя. Гоголь выехал из Москвы за границу вместе с молодым своим попутчиком В.А. Пановым 18 мая 1840 г. В дороге до самой Вены писатель был кипуч и энергичен. Веселье било из него через край. Он поразил своего попутчика тем, что постоянно всем восторгался, даже какими-то мелочами, на которые человек в обычном состоянии не обращает никакого внимания. Необыкновенно радостное настроение возрастало с каждым днем, гигантские планы вспыхивали в возбужденной голове.

Впоследствии Гоголь рассказывал в одном из писем: “... дорога до Вены по нашим открытым степям сделала надо мною чудо. Свежесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал... Я почувствовал, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу из того летаргического умственного бездействия, в котором я находился в последние годы и чему причиною было нервическое усыпление... Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое становится чутко... Сюжет, который в последнее время лениво держал я в голове своей, не осмеливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною в величии таком, что все во мне почувствовало сладкий трепет. И я... в ту же минуту засел за работу...”

Писатель находился в самом настоящем экстазе, и подобной выраженности мании он никогда еще не испытывал. Он чувствовал в себе столько физической силы и здоровья! В приливе неиссякаемой энергии, с непередаваемым чувством ускорения и облегчения всех мыслительных процессов жадно накинулся он на сочинение драмы из истории Запорожья, а затем вдруг бросил, не закончив, и с жаром принялся за переделку “Тараса Бульбы”. Кстати, чрезвычайно выраженная мания уже начинает вредить литературному творчеству, а когда она достигает степени маниакального неистовства, то может наблюдаться так называемая “скачка идей”: мысли ускоряются настолько, что уже мешают человеку. Так и Гоголю не удалось завершить ни сейчас в Вене, ни позже этой драмы из истории Запорожья.

В середине июля 1840 г. настроение писателя вдруг поменяло свой полюс, и из опьяняющего, восторженного жара больного бросило в ледяной холод. Это было совершенно необъяснимо, непонятно для Гоголя: “...нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздраженье нервическое. Всё мне бросилось разом на грудь. Я испугался. Я бросил занятия... Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно, тяжесть в груди и давление, никогда дотеле мною не испытанное, усилилось... К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут не мог я остаться в покойном положении ни на постеле, ни на стуле, ни на ногах... С каждым днем после этого мне становилось хуже, хуже... Я понимал свое положение и наскоро, собравшись с силами, нацарапал, как мог, тощее духовное завещание”.

Великий мастер слова изумительно точно описал состояние тревожной депрессии, достигшей степени так называемого раптуса (меланхолического неистовства), что наблюдается лишь в тяжелых случаях маниакально-депрессивного психоза, на высоте

депрессивной фазы. При тревожной депрессии возникает двигательное беспокойство, больные суетливы, не находят себе места; при раптусе — кричат, стонут, рыдают, катаются по полу, рвут на себе волосы и одежду.

Во время венской депрессии Гоголь почти не спал и целых два месяца практически ничего не ел, только пил воду. Он очень исхудал. На высоте приступа он имел какие-то видения, о которых он тогда же рассказал ходившему за ним с братской нежностью и заботой купцу Н.П. Боткину, то есть у него наблюдались даже зрительные галлюцинации, вероятнее всего, мрачного, устрашающего характера, как это обычно бывает во время депрессии.

Тоска и тревога достигли такой степени, что пришли мысли о нежелании продолжать жить. Впервые за десять лет развития болезни у него появилось это чувство, которое так характерно для душевнобольных с выраженными депрессивными состояниями. Гоголь, готовясь к смерти, ожидая её, написал духовное завещание.

Николай Петрович Боткин — брат знаменитого русского профессора терапии Сергея Петровича Боткина — “усадил Гоголя полумертвого в дилижанс” и привез его в Рим. В дороге состояние больного незначительно улучшилось, он впервые после длительного голодания выпил чашку бульона.

В Риме Николай Васильевич начал совершать небольшие прогулки по улице, но уставал так, как будто делал по десять верст. Депрессия сохранялась. В октябре 1840 г. он писал М.П. Погодину: “Я до сих пор не могу понять, как я остался жив, и здоровье мое в таком сомнительном положении, в каком я еще никогда не бывал. Чем далее, как будто опять становится хуже, и лечение, и медикаменты только растрavляют. Ни Рим, ни небо, ни то, что так бы причаровывало меня, ничто не имеет теперь на меня влияния... Вчера и сегодня было скверное время... Двух минут я не мог посидеть в комнате — мне так сделалось тяжело — и отправился бродить по дождю... Со страхом я гляжу на себя”.

Однако как ни тяжел бывает приступ депрессии, рано или поздно он проходит. В декабре 1840 г. Николай Васильевич почувствовал себя совершенно здоровым. Тоска и уныние исчезли сами по себе, кризисное состояние миновало. Поскольку во время приступа не было никакого облегчения ни от приема медикаментов, ни от других назначений врачей (“уже медики было махнули рукой”), Гоголь свое неожиданное избавление от болезненных симптомов приписал Божьей помощи: “Теперь я... здоров, благодаря чудной силе Бога, воскресившего меня от болезни, от которой, признаюсь, я не думал уже встать”.

Такова картина переломного в жизни писателя (и больного) венско-римского кризиса болезни, длившегося семь месяцев. Приступов этой страшной и неизлечимой болезни в жизни писателя было много, и нет нужды приводить их все. Следует лишь отметить, что маниакальные фазы по глубине и продолжительности эмоциональных нарушений уступали депрессивным фазам, что вообще характерно для этого заболевания. Гоголь — это свет и тень, это гамма противоположных чувств и клубок противоречий. Свет — это мании и светлые промежутки, тень — это муки страдания, это приступы тоски и уныния.

Очень хорошо передал душу Гоголя художник Федор Антонович Моллер, запечатлев его на портрете в 1841 г. Художнику, который близко знал писателя, удалось передать две стороны его жизни, наложившие печать на весь облик. С портрета на нас смотрит лицо доброе, благодарное и светлое. Гоголь как бы говорит: “У меня на душе хорошо, светло”. Лицо — светлое пятно в портрете; все остальное: волосы, шинель, сюртук,

платок, подхватывающий под самый подбородок шею, большая часть фона — выполнено в темной тональности. Что-то мрачное, несчастливое, недоброе чувствуется в этой темноте. И глаза — немного насмешливые, но более — грустные, страдальческие. Тихая печаль больного человека льется из этих глаз,

У Гоголя было более десяти периодов патологически повышенного настроения. Не ставя задачи описать их все, к уже рассказанным двум добавим еще некоторые.

Критик П.В. Анненков, близкий знакомый Гоголя, в 1841 г. приехал к нему в Рим и долго проживал вместе с ним в одном доме. По воспоминаниям Анненкова, Гоголь обнаруживал неожиданные вспышки озорства и ребячества. Он часто смеялся сам, смешил окружающих, рассказывал неприличные анекдоты. Временами на него находило такое веселье, что он вдруг прямо на улицах Рима начинал петь разгульные малороссийские песни, пускался в пляс, поражая даже итальянцев — тоже веселых людей — украинским трепаком. Однажды во время веселой пляски на улице он выделывал зонтиком в воздухе такие “кренделя”, что через две минуты в его руках от зонтика осталась лишь одна ручка.

В последнее десятилетие жизни периоды необычного веселья посещали Гоголя реже, чем в начале болезни. Последнее гипоманиакальное состояние отмечено у писателя в июле 1849 г., во время его поездки из Москвы в Калугу, к своим знакомым Смирновым. Гоголь после недомоганий почувствовал себя прекрасно недели за две до поездки. Выглядел он совершенно здоровым и необычно веселым, рассказывал смешные истории, находился в хорошем физическом тонусе, при ходьбе по улицам Москвы сопровождающие едва поспевали за ним. Во время самой поездки он еще более преобразился. Его попутчик Л.И. Арнольди вспоминал: “Мы много смеялись. Гоголь был в духе, наслаждался чудным, теплым вечером... Он беспрестанно останавливал кучера, выскакивал из тарантаса, бежал через дорогу в поле и срывал какой-нибудь цветок... Каждый вечер читал нам Гоголь “Одиссею” в переводе Жуковского и восхищался каждой строчкой”. В Калуге Гоголь беспрестанно восторгался. “Да это просто великолепие! — говорил он. — Да отсюда бы и не выехал! Ах, да какой здесь воздух!”

Наблюдательный Арнольди во время совместной поездки с писателем в Калугу обратил внимание на несколько проявлений, характерных, как отметили бы психиатры, для гипоманиакальной фазы маниакально-депрессивного психоза. Так, писатель плодотворно работал над вторым томом “Мертвых душ”, а вечерами читал знакомым новые главы поэмы. Вставал он рано, раньше всех во всем огромном доме, а в течение дня, в промежутках между литературными занятиями, много ходил очень быстрым шагом в саду. И физическая, и умственная работоспособность его была повышена, он с раннего утра до позднего вечера был на ногах. Не жаловался и на отсутствие аппетита: “наедался очень часто до того, что бывал болен”.

Больные манией часто вступают в споры, дают всем советы, даже если плохо разбираются в вопросе. Вот и Гоголь как-то в Калуге рассердил всех своими некомпетентными советами. “Заговорили об охоте, — рассказывал Л.И. Арнольди. — Зять мой имеет отличную охоту, и его борзые и в особенности гончие известны всем знаменитым русским охотникам... Гоголь вмешивался беспрестанно в разговор, спорил с моим зятем, не понимая дела... После заговорили о сельском хозяйстве. У зятя моего около 5 тысяч душ в шести губерниях, и он всегда сам управлял своими имениями... Гоголь, сколько мне известно, никогда не занимался хозяйством, но он и тут не преминул поспорить, говорил свысока, каким-то диктаторским тоном, одни общие места, и не выслушивал опровержений”.

Удивлял писатель всех также необычными нарядами и сочетанием щегольства и неряшества. Арнольди вспоминал: “Вдруг явится к обеду в ярких желтых панталонах и в жилете светло-голубого, бирюзового цвета; иногда же оденется весь в черное, даже спрячет воротничок рубашки и волосы не причешет, а на другой день, опять без всякой причины, явится в платьях ярких цветов, приглаженный, откроет белую, как снег, рубашку, развесит золотую цепь по жилету и весь смотрит каким-то именинником”.

Несомненно, подмеченные “странности” были отнюдь не проявлениями личности этого великого человека, а симптомами его тяжелого душевного заболевания. О повышенном аппетите писателя вспоминает и И.Ф. Золотарев, говоря о годах совместного с ним проживания в Риме. Николай Васильевич, бывало, уже плотно покушает, обед закончен. Вдруг в трактир входит новый посетитель и заказывает себе кушанье. Аппетит у Гоголя вновь разыгрывается, и он заказывает себе то же блюдо или другое. Итальянцы специально приходили в трактир, чтобы подивиться аппетиту русского синьора Николо — Гоголь ел буквально за четверых! Такое состояние патологически повышенного аппетита обозначается в медицине термином б у л и м и я.

Характерно, что булимия наблюдалась преимущественно в маниакальном состоянии больного. При этом он не полнел, а лишь набирал вес, потерянный в периоды депрессий, когда аппетит у него всегда был резко снижен.

Для состояния мании характерны также бредовые идеи в е л и ч и я. У Гоголя, человека очень набожного, они имели религиозное содержание. По мнению академика А.В. Снежневского и других видных психиатров, конкретное содержание любого бреда зависит от эпохи, в которой живут больные, от их культурного уровня, среды, профессии, развития, образования. Скажем, в средние века содержанием бреда были дьявол, колдовство, приворожение, в XX веке — воздействие космическими лучами, атомной энергией и т.д.

Глубоко не правы те, кто, подобно атеисту Виссариону Белинскому, утверждают, что Гоголь “помешался” из-за религии, что он страдал “религиозной манией”, “религиозным помешательством”. Но такого заболевания — “религиозное помешательство” — в психиатрии не существует. Религия — лишь материал, из которого при возникновении заболевания может сформироваться бред. Первична и во всем повинна душевная болезнь, а не религия! Гоголь заболел, а поскольку мозг и душа его принадлежали религии, Богу, то и бред у него приобрел преимущественно религиозное содержание.

Приступы экстаза и необыкновенного подъема, внезапной беспричинной радости рождали мысли о небесном, сверхъестественном происхождении этого чувства. А поскольку Гоголь, по его мнению, удостаивался этого чувства свыше, в больной психике писателя родилось ощущение, что он — особенный, великий человек, обладающий даром предвидения и пророчества.

Впервые бредовые идеи величия появились у Гоголя в сентябре 1839 г. Он пишет литератору П.А. Плетневу: “...во мне поселился теперь дар пророчества”. После “венско-римского” приступа болезни 1840 г. в нем укрепилась мысль, что он — действительно необычный человек, что Бог даровал ему исцеление не просто из милости, а подал знак, избрал его в число тех, кому доверено представлять высшее мнение на земле. Одному из своих ближайших друзей, А.С.Данилевскому, в августе 1841 г. больной пишет: “Но слушай, теперь ты должен слушать моего слова, ибо вдвойне властно над тобою мое слово, и горе кому бы то ни было не слушающему моего слова... Властью вышею облечено отныне мое слово. Всё может разочаровать, обмануть, изменить тебе, но не изменит мое слово”.

Во все уголки России понеслись письма-поучения, письма-проповеди. От князя П.А. Вяземского, который был старше Гоголя на 20 лет, он требует срочно писать историю Екатерины II, своим московским друзьям Аксаковым советует читать жития святых, А.С. Данилевскому — менять образ жизни и решительно заняться своим помещичьим хозяйством. В 1840-х годах, в результате прогрессирующего развития болезни, тон писем Гоголя близким друзьям и родственникам превратился из задушевного и дружеского в холодный, поучающий. Это не письма живого человека, а словно поучения святых апостолов.

Московские приятели Гоголя с нетерпением ждали от него окончания второго тома “Мертвых душ”. Но годы шли, а обещанного все не было и не было. Наконец в 1844 г. от Гоголя приходит весточка друзьям С.Т.Аксакову, М.П. Погодину и С.П. Шевыреву, что он скоро обрадует их подарком. Изумление и разочарование охватывают их, когда они, вместо ожидаемой поэмы, получают... “Подражание Христу” Фомы Кемпийского с наставлением каждый день после утреннего кофе читать по одной главе и потом час размышлять над прочитанным! Религиозный Шевырев промолчал, но Погодин и Аксаков были очень рассержены. Последний писал Гоголю: “Мне 53 года. Я тогда читал Фому Кемпийского, когда вы еще не родились... И вдруг вы меня сажаете, как мальчика, за чтение Фомы Кемпийского, нисколько не зная моих убеждений, да еще как? В узаконенное время, после кофею, и разделяя чтение на главы, как на уроки... И смешно, и досадно... Я боюсь, как огня, мистицизма, а мне кажется, он как-то проглядывает у вас... Вы ходите по лезвию ножа! Дрожу, чтоб не пострадал художник!”

Расцвет периода пророчеств у больного писателя совпал с подготовкой для печати “Выбранных мест из переписки с друзьями”. Идея этого произведения родилась в больном сознании, обуреваемом жадой пророчества и сверхценной идеей преобразования общества по образцу, родившемуся в воображении писателя. Книга состоит из 32 глав-писем, которые охватывали очень много тем тогдашней жизни российского общества — от управления государством до отношений между мужем и женой. Тонем проповедника он давал советы крепостному мужику, помещику, судье, полицмейстеру, губернскому предводителю дворянства, прокурору, губернатору, жене губернатора, священнику, министру и даже самому царю. Гоголь желал, чтобы каждый на своем месте делал свое дело в соответствии с высшим небесным законом. Он хотел вернуть Бога в каждого и путем внутреннего совершенствования каждого человека преобразовать все общество. Гениальная, но совершенно нереальная, утопическая идея.

Беспощадная критика со всех сторон обрушилась на Гоголя после выхода в свет его “Выбранных мест...”. Находясь в состоянии депрессии, Гоголь невыносимо страдал от этого, и не было, казалось, человека несчастнее его. Но когда депрессия исчезала и на смену ей приходило состояние гипомании, писатель не хотел признавать замечаний. Он называл книгу “сокровищем” и заявлял, что судить его за неё может один только Бог.

Важно подчеркнуть, что в последние десять лет жизни, помимо второго тома “Мертвых душ”, Гоголь практически не писал художественной прозы. Заболевание упорно сбивало его с литературного пути, и он невольно переходил на торжественно-наставительный, поучающий слог проповедей. Писем написано было за это десятилетие великое множество, и они тоже интересны и во многом поучительны. Но читатель — не только российский, но и европейский — ждал от Гоголя художественных творений.

Итак, длинные письма-наставления регулярно отправлялись пророком во многие города России и Европы. Однако Гоголю, в силу особенностей его заболевания, необходима была своего рода энергетическая подпитка бреда величия в виде постоянного окружения

учеников, слушателей, которым он мог бы излагать свои идеи. Чем послушнее бывает такой ученик, чем он с большим вниманием выслушивает проповеди учителя, тем больше стимулируются и развиваются бредовые идеи величия, пророчества у одержимого манией человека.

Такую роль, роль благоговейного ученика при пророке, сыграл выдающийся русский художник Александр Андреевич Иванов (1806—1858), который всю свою жизнь посвятил одной картине — “Явление Христа народу”. Сближение этих двух родственных душ произошло в Риме, где писатель жил около шести лет (с перерывами). О взаимоотношениях пророка и ученика сохранились свидетельства Ф.И. Иордана: “А.А. Иванов был странная личность; он всегда улыбался и в Гоголе видел какого-то пророка. Гоголь давал ему наставления, которые Иванов рабски слушал. Я и Моллер, всегдашние вечерние посетители Гоголя, были в его глазах ничто перед Гоголем”.

Верными ученицами пророка Гоголя были три женщины из высшего света — А.О. Смирнова-Россет, С.М. Соллогуб и А.М. Виельгорская. Гоголь утверждал, что женщина — более благодарный слушатель, нежели мужчина. Женщина верит — мужчина все поверяет разумом. Женщины всегда окружали этого необыкновенного человека, но отнюдь не с целью физической близости. Николай Васильевич был чистым, безгрешным в этом смысле. Они жаждали духовной близости с ним, стремясь к этому в силу именно его необыкновенности, магического, пророческого влияния. Гоголь внушал им религиозные чувства, а также излагал свое учение, свои мысли о воспитании, о назначении человека в обществе. Многие мысли были умными и верными, но какая-то часть имела в основе всё же бредовый характер, являясь продуктом больной психики.

Особые отношения связывали Гоголя и Александру Осиповну Смирнову (в девичестве Россет). Московские друзья Гоголя не любили ее и... ревновали к писателю. С.Т. Аксаков назвал ее “кающейся Марией Магдалиной”, намекнув на ее любовные приключения в юности в Зимнем дворце, когда она была фрейлиной императрицы. Не менее резко высказался поэт Н.М. Языков, назвав ее “сиреной, плавающей в прозрачных волнах соблазна”. Однако Гоголь, стремящийся к духовной чистоте, не мог окружить себя недостойными, безнравственными людьми. Не забудем также, что со Смирновой-Россет дружили А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов и посвятили ей восторженные стихи.

Александра Осиповна была богиней, спустившейся с небес на русскую землю. Она была умна, образованна и необыкновенно красива: стройная, с правильными чертами живого лица, большими черными глазами и прекрасными смолисто-черными волосами. Смирнова и Гоголь были знакомы с 1831 г., но настоящая дружба связала их в 1843 г., когда Александра Осиповна вместе с мужем выехала за границу. Внешне Гоголь и Смирнова были совершенно различны, но их души были необыкновенно близки друг другу.

Духовное наставничество Гоголя началось в 1843 г. в Риме и продолжилось чуть позже в Ницце. Обычно в послеобеденные часы Николай Васильевич навещал Смирнову, вынимал из кармана толстую тетрадь собственных “выписок из святых отцов” и начинал свое учительство. Словом убеждения он владел блестяще.

П.А. Кулиш со слов самой “ученицы” позднее писал: “Гоголь списал собственноручно 14 псалмов и заставлял её учить их наизусть. После обеда он спрашивал у нее урок, и лишь только она хоть немножко запинаясь в слове, он говорил: “нетвердо!” — и отсрочивал урок до другого дня”. Духовное наставничество Гоголя продолжилось и после отъезда Смирновой в Россию.

Отношения между Гоголем и Смирновой были чисты. Как призналась Александра Осиповна уже после кончины Николая Васильевича, сексуальной связи между ними никогда не было. Однако Гоголь был влюблен в нее, хотя и старательно прятал свое чувство. Он считал его непозволительным и страшно греховным в их отношениях духовного учителя и ученицы.

Но был эпизод, когда сердечная тайна Гоголя открылась. Это случилось в летний день. Александра Осиповна и Гоголь сидели в гостиной; она вязала, он читал ей “Мертвые души”. Вдруг налетел ветер, оглушительно прогремел гром. Николай Васильевич в страхе отбросил книгу и ринулся закрывать распахнувшееся окно. Александра Осиповна знала, что Гоголь очень боится грозы, убежденно считая, что это Бог гневается за что-то. И она, уловив сложное психологическое состояние учителя, именно в эту минуту, когда он вернулся, чтобы сесть около нее, посмотрела на него так пристально, что он не выдержал взгляда и покраснел. “Признайтесь, Гоголь, что вы немного влюблены в меня?” — вдруг спросила она. Гоголь вскочил, повернулся и быстро вышел из комнаты. Несколько дней они не виделись. Затем он пришел, и все осталось по-прежнему.

Гоголь еще в юности задумал посвятить свою жизнь литературе и не связывать себя семейными узами. Так он и жил бобылем. Лишь один раз в жизни он попытался изменить своему принципу. Это произошло в конце 1840-х годов, когда Гоголь после заграничных скитаний вернулся в Россию и на него, не имеющего здесь своего дома, своего угла, вдруг нахлынуло чувство одиночества.

Смирнова была замужем, а разрушать брак — огромный грех для верующего человека. Но оставалась незамужней женщина, которой увлечен был в ту пору Николай Васильевич, — 25-летняя Анна Михайловна Виельгорская, дочь Михаила Юрьевича и Луизы Карловны Виельгорских, знатных и богатых аристократов, приближенных к самому императору Николаю Павловичу. И Гоголь весной 1849 г. через супругов Веневитиновых, близких родственников Виельгорских, решил сделать предложение Анне Михайловне. Однако он не только получил отказ, но и навлек на себя гнев Виельгорских, рассерженных предложением “нищего” коллежского асессора.

Гоголь даже вынужден был оправдываться перед ними. Анне Михайловне он написал в письме: “Грех вам, если вы станете продолжать сердиться на меня за то, что я окружил вас мутными облаками недоразумений. Тут было что-то чудное, и как оно случилось, я до сих пор не умею вам объяснить”. В письме к сестре Анны, Софье Михайловне Соллогуб, Николай Васильевич оправдывается: “Я действовал таким образом, как может только действовать в состоянии безумья человек, и воображал в то же время, что действую умно”.

Совершенно очевидно, что попытка сватовства к Анне Михайловне Виельгорской была в какой-то степени следствием болезни писателя. Известно, что больные маниакально-депрессивным психозом в маниакальной фазе склонны к необдуманным, рискованным поступкам. Даже если бы Гоголь любил Анну (чего в действительности не было!), то, находясь в здравом уме, должен был понять неравенство такого брака и предвидеть отказ, который ставил его самого в очень неприятное положение.

Для душевной болезни Гоголя характерно преобладание депрессивной симптоматики, причем депрессивные фазы заболевания встречались чаще, были продолжительнее и выраженнее, чем маниакальные. От конца июня 1832 г. до 21 февраля 1852 г. можно выделить 23 депрессивные фазы, продолжительностью от 3 недель до 12,5 месяцев.

Для каждой из 23 депрессивных фаз характерны нарушения эмоциональной сферы — депрессии (реже субдепрессии). Наблюдаются типичные проявления маниакально-депрессивного психоза — пониженное настроение, чувство тоски, уныния, иногда — тревоги и страха. Ничто не радовало писателя, окружающий мир представлялся ему серым, скучным, неинтересным. Прошлое казалось мрачным и ничтожным, написанные ранее произведения — очень слабыми, многие совершённые поступки и действия — ошибочными. Будущее представлялось безрадостным. Приступы тоски и уныния возникали, как правило, беспричинно, к ним в большинстве случаев не было никаких внешних поводов.

В “Авторской исповеди” Гоголь, касаясь своих произведений петербургского периода, признался, что уже тогда на него стали находить припадки тоски, ему самому необъяснимой, и что уже в то время он был уверен, что это — проявление болезни.

Уехав в 1836 г. за границу, он не почувствовал положительных перемен, и “припадки” патологически сниженного настроения не только по-прежнему посещали его, но даже усилились. “Здоровье мое, кажется, с каждым годом становится все плоше и плоше, — жаловался он В.А. Жуковскому в апреле 1837 г. из Рима. — Я был недавно очень болен, теперь мне сделалось немного лучше... На меня находят часто печальные мысли — следствие ли ипохондрии или чего другого” . Окружающие начинают замечать, что с Гоголем не все в порядке, что тот часто бывает тосклив и угрюм. В августе 1837 г. ему как-то довелось во время путешествия в Карлсруэ ночевать с камер-юнкером Н.М. Смирновым (мужем А.О. Смирновой) в одной комнате. Попутчики удивлялись, что Николай Васильевич не сомкнул глаз всю ночь из-за невыносимой тоски, его терзавшей.

Что чувствует больной маниакально-депрессивным психозом, хорошо передает одно из писем несчастного писателя, написанное в феврале 1848 г. в Москве: “Я был болен, очень болен, и еще болен донныне внутренне. Болезнь моя выражается такими страшными припадками, каких никогда еще со мною не было; но страшнее всего мне показалось то состояние, которое напомнило мне ужасную болезнь мою в Вене, а особливо когда я почувствовал то подступившее к сердцу волнение, которое всякий образ, пролетающий в мыслях, обращало в исполина, всякое незначительно-приятное чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потом следовали обмороки, наконец, совершенно сомнамбулическое состояние... Я креплюсь, сколько могу; выезжаю даже из дому, не жалуясь и никому не показываю, что я болен, хотя часто, часто бывает не под силу... Меня томит и душит все, и самый воздух”.

Тяжелейший затяжной кризис пережил больной в 1845 г. На первый план в клинической картине болезни тогда вышли ипохондрические расстройства. Но чувство тоски присутствовало при каждом депрессивном приступе, будучи неотъемлемой частью его. Не стал исключением и этот приступ. “Душа изнывает от страшной хандры, которую приносит болезнь, бьется с ней и выбивается из сил биться, — писал Гоголь в 1845 г. А.О. Смирновой. — Я исхудал, и вы бы ужаснулись, меня увидев... Всякое занятие умственное невозможно и усиливает хандру, а всякое другое занятие... также усиливает хандру. Изнурение сил невозможно”.

По мере прогрессирования душевной болезни наступило еще одно характерное проявление маниакально-депрессивного психоза — психическая анестезия (скорбное бесчувствие). Болезнь постепенно делала Гоголя все более черствым, безразличным, холодным к родным и близким, он стал бесчувственным и равнодушным к людским горестям и печалям, потерял всякий интерес к политическим и общественным событиям.

Гоголь очень любил свою мать, и письма к ней были наполнены нежной сыновьей привязанностью и дружеским откровением. Однако с 1839 г. отношение сына к Марии Ивановне круто меняется. Он пишет к ней всё реже и реже, а строчки писем становятся всё суше и суше. Еще через три года письма его превращаются в одни сплошные перечни правил и наставлений, бесконечных советов, как Мария Ивановна должна дальше жить и управлять имением. Подобный же наставительный и холодный тон приобретают письма Гоголя к своим сестрам и лучшему другу детства и юности Александру Семеновичу Данилевскому.

Когда Николай Васильевич после многолетнего пребывания за границей в 1848 г. приехал на родину, в Васильевку, то поразил своих сестер черствостью и безразличием. Елизавета Васильевна записала в своем дневнике: “Как он переменялся!.. Ничто, кажется, его не веселит, и такой холодный и равнодушный к нам. Как мне это было больно... Грустно: не виделись 6 лет, и не сидит с нами”.

Равнодушие стал проявлять Гоголь к своим друзьям и приятелям — писателю С.Т. Аксакову и его сыновьям, поэту Н.М. Языкову, историку М.П. Погодину, художнику А.А. Иванову. С.Т. Аксаков и А.А. Иванов к старости стали страдать заболеваниями глаз и от этого слепнуть. Но когда они попытались излить душу в письмах к Николаю Васильевичу, тот призвал их покориться и терпеть, написав каждому по несколько сухих, нравоучительных строчек. С.Т. Аксаков, восхищенный веселым и сердечным “ранним” Гоголем, в конце жизни великого писателя был разочарован им и отметил в мемуарах: “Я не знаю, любил ли кто-нибудь Гоголя исключительно как человека. Я думаю, нет... Всякому было очевидно, что Гоголю ни до кого нет никакого дела”.

Многие современные авторы, утверждающие, что Гоголь никогда никого по-настоящему не любил, конечно же, не правы: его “эгоизм” — это проявление душевной болезни, а не свойство характера. Сам писатель осуждал появившиеся у него черствость и равнодушие к людям. Он пытался побороть свое “скорбное бесчувствие”, но оказался не в силах это сделать.

Для маниакально-депрессивного психоза вообще характерно переживание больными своей психической анестезии, или “чувства бесчувствия”. Однако, понимая произошедшие с ними изменения, они ничего не могут поделать с собой и оттого тяжело страдают. Именно это и наблюдалось у Гоголя. Это — еще одно доказательство того, что болен он был именно маниакально-депрессивным психозом, а не шизофренией или другим психическим заболеванием. При последних появляется так называемая эмоциональная тупость, которую больные не осознают и нисколько не переживают из-за своего бесчувствия.

Скорбное бесчувствие в полной мере проявилось во время паломничества писателя к Святым местам, совершенного в 1848 г. К путешествию в Иерусалим он готовился более пяти лет и возлагал на него большие надежды в плане своего духовного очищения и обновления.

Однако паломничество Гоголя не произвело на него абсолютно никакого божественного, необыкновенного действия. Все вокруг казалось ему серым и будничным: посещение Святых мест совпало с периодом депрессии, чувства уныния и тоски сочетались с явлениями скорбного бесчувствия. Святые места не радовали и не просветляли души паломника, и он поразился своему “равнодушию” у Гроба Господня: “...никогда еще так ощутительно не виделась мне моя бесчувственность, черствость и деревянность”. Его даже осенила такая мысль: “А есть ли у меня вообще вера в Бога?” “Хочу верить!” — стонала и молила душа его.

В один из наиболее тяжелых депрессивных периодов Гоголь жаловался в письме А.О. Смирновой: “Бог отъял на долгое время от меня способность творить. Я мучил себя, насиловал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие свое, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением, и ничего не мог сделать, и всё выходило принужденно и дурно” .

Периоды творческого застоя стали застигать писателя еще во время первого заграничного странствования. Так, в мае 1838 г. он пишет А.С. Данилевскому из Рима: “Тупеет мое вдохновение; голова часто покрыта тяжелым облаком, которое я должен беспрестанно стараться рассеивать...” Но в 1830-х годах периоды слабой умственной работоспособности сменялись повышенным настроением (манией и гипоманией) с резким возрастанием творческой активности. Гоголь любил вспоминать, как он написал одну из глав первого тома “Мертвых душ”. Писатель ехал между городками Джансано и Альбано в Италии. У дороги стоял трактир. Когда писатель вошел туда, ему вдруг неудержимо захотелось писать. Он велел подать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров (посетители играли в бильярд), при невероятном шуме, криках пьяных, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере написал целую главу, которая оказалась одной из самых лучших и вдохновенных в поэме.

Позднее он недоумевал, куда же исчезло его прежнее вдохновение? Где та творческая сила, быстрота мысли и ассоциаций, которые так часто посещали его в ранние годы? Их забрала болезнь.

Начиная с 1841 г., способность Гоголя к творчеству заметно снижается — с этого времени ничего равного прежним своим произведениям он не создает. В период с 1842 г. до конца жизни писательская деятельность его была сведена в основном к переписке. Работа над вторым томом “Мертвых душ” не удавалась ему и продвигалась черепашными темпами.

В последние годы он особенно жаловался на вялость творчества: “Мне нужно большое усилие, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это? старость или временное оцепенение сил? Сплю ли я или так сонно бодрствую, что бодрствование хуже сна?.. Творчество мое лениво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не отодвигаю бумаги, не выпускаю пера — но строки лепятся вяло, а время летит невозвратно”.

Гоголь вставал рано утром, становился к конторке и в полнейшей тишине и уединении писал практически весь день, прерываясь лишь на обед и короткую прогулку. Но в день едва ли выходило полстранички текста, да и они в большинстве случаев не удовлетворяли писателя. Гоголю, по его же меткому выражению, приходилось вытягивать из себя фразы, “словно клещами”.

Гоголь страстно хотел творить. Но больной мозг отказывался помогать ему в этой страсти горения, каким было для писателя творчество. Из-под его пера уже не суждено было выйти новым шедеврам. Безвозвратно исчезло литературное мастерство автора неповторимых описаний чудного Днепра, украинской ночи, степи, птицы-тройки.

Известные московские славянофилы и приятели писателя Ю.Ф. Самарин и А.С. Хомяков в 1849 г. присутствовали при прочтении Гоголем первых двух глав второго тома “Мертвых душ”. Самарин записал после этого вечера: “При прочтении он обратился к нам с вопросом: “Скажите по совести только одно, — не хуже первой части?” Мы переглянулись, и ни у него, ни у меня не достало духу сказать ему, что мы оба думали и чувствовали”.

Отметим еще несколько характерных симптомов депрессивной фазы маниакально-депрессивного психоза, наблюдавшихся у великого писателя. Разговорная речь его постепенно стала более тихой, монотонной. Говорить он стал мало, вяло, будто нехотя. Иногда на вопросы отвечал с большой задержкой. Общаться он предпочитал лишь с близкими людьми — незнакомые лица начали как будто пугать писателя. Стал обнаруживать странную застенчивость: не хотел входить в комнату, если там был кто-то незнакомый, или надолго замолкал, если неизвестный ему человек заходил в комнату. Совершенно не мог терпеть, когда незнакомцы присутствовали при публичном чтении им своих произведений.

В ранней молодости Гоголь любил шум, суету, кипение жизни. В наибольшей степени это было выражено при маниах. В последнее десятилетие жизни он стремился к уединению, тишине, так как для депрессии очень характерна малоподвижность, когда пациенты могут часами сидеть в одной позе, ссутулившись, с опущенной головой, с застывшим выражением лица, нередко делая вид, что дремлют. Многие современники Гоголя отмечали у него подобную позу с длительным дремлением в гостях, где-нибудь на диване или кресле.

Конечно, этого не понимал И.И. Панаев, который в своих “Литературных воспоминаниях” с издевкой описывает подобное “странное” поведение Гоголя в семье Аксаковых: как Аксаковы с благоговением ухаживали за великим писателем, а он после обеда уселся и якобы небрежно развалился на диване, через несколько минут стал опускать голову и закрывать глаза — “в самом ли деле начинал дремать или притворялся дремлющим”. В комнате мгновенно все смолкло. Все стали ходить буквально на цыпочках, а Константин Аксаков встал около кабинета, словно часовой, охраняя “сон” Гоголя.

Только душевной болезнью можно объяснить и другие странности и нелепости в поведении великого писателя. Так, с 1838 г. он стал поражать своих собеседников тем, что во время разговора на него находил какой-то столбняк: он вдруг смолкал, и от него ни слова нельзя было добиться. Временами же был склонен к странным капризам. П.И. Бартенева, видевшего Гоголя в доме Хомяковых, удивило его поведение за столом. Николай Васильевич привередничал ужасно. Какой-нибудь стакан чая приказывал то приносить, то уносить по нескольку раз. По его мнению, чай оказывался то слишком горячим, то крепким, то чересчур разбавленным, то стакан был слишком полон, то его сердило, что налито слишком мало. Хомяковым и всем присутствующим за столом было очень неловко от такого поведения именитого гостя.

Так же капризно частенько вел себя Николай Васильевич (“синьор Николо”) при обедах в итальянских трактирах, многократно заставляя прислужника менять блюда, считая их то недоваренными, то переваренными.

Даже одежда Гоголя в какой-то степени отражала нездоровье его психики. Если в периоды маний он стремился к сверхмодной, необычной, пестрой одежде, заказывая ее у самых лучших портных, то в периоды депрессий совершенно не заботился о своем внешнем виде, нередко ходил в одном и том же черном сюртуке и шароварах, часто даже не причесывался, и длинные пряди волос его спускались в совершеннейшем беспорядке.

Одним из проявлений душевной болезни Гоголя был ипохондрический синдром, достигающий нередко степени ипохондрического бреда, когда писателю казалось, что он тяжело, неизлечимо болен каким-либо соматическим заболеванием и дни его сочтены. Ипохондрические жалобы появлялись, как правило, в фазы депрессии. Отдельные депрессивные периоды проявлялись преимущественно лишь ипохондрическими жалобами, как, например, самая первая депрессия, длившаяся с июня 1832 по февраль 1833 г.

Ипохондрия особенно стала мучить Гоголя после отъезда за границу. Будучи в Париже зимой 1836—1837 гг., Николай Васильевич вдруг вообразил, что у него тяжелая болезнь желудка. Гоголь лечился от “желудочной болезни” у парижского доктора Маржолена и, естественно, без всякого эффекта.

С той поры Гоголь начал ходить и ездить по докторам, неоднократно выезжал на курорты по поводу “болезни желудка” и “поражения” других органов. Он лечился в течение жизни на 11 европейских курортах (Баден-Баден, Мариенбад, Остенде, Карлсбад и другие), побывав на некоторых из них по нескольку раз. Доктора находили, что болезнь его имеет нервный, воображаемый характер. Однако разубедить Гоголя в неопасности найденных им у себя “заболеваний” было невозможно. Различные медикаменты, диеты, средства физиотерапии не помогали или приносили временное облегчение, как и бывает при ипохондрическом синдроме.

Больше всего “желудочная болезнь” беспокоила Гоголя в периоды тоски и уныния. В свою болезнь Николай Васильевич посвящал всех окружающих, бесконечно жаловался на недуг в письмах. По меткому выражению княжны В.Н. Репниной, когда Николай Васильевич гостил у нее на вилле в Италии, она и все её домашние “жили в его желудке”.

Подробно расписывал Николай Васильевич свои болезненные ощущения поэту Н.М. Языкову. Но действительно больной, парализованный поэт быстро раскусил мнимость болезни желудка и других органов у Гоголя. Н.М. Языков писал своему брату: “Гоголь рассказал мне о странностях своей (вероятно, мнимой) болезни: в нем-де находятся зародыши всех возможных болезней; также и об особенном устройстве головы своей и неестественности положения желудка. Его будто осматривали и ощупывали в Париже знаменитые врачи и нашли, что желудок его вверх ногами”. Ипохондрический характер жалоб Гоголя из письма этого вытекает сразу. Непонятно, что имел в виду Николай Васильевич, утверждая, что желудок его расположен “вверх ногами”. Перевернут пилорическим (выходным) отделом и телом кверху и ими соединен с пищеводом? Но подобная аномалия не встречается в медицине. Да и как смогли бы это определить? Ведь рентгеновский метод был открыт лишь в 1895 г., а фиброгастроскопию — осмотр полости желудка специальным гибким прибором — стали применять только в XX веке. Здесь явно видна болезненная фантазия писателя.

В многочисленных письмах Гоголя и его устных рассказах, записанных современниками, не обнаруживаются симптомы ни рака, ни язвенной болезни, ни гастрита, ни каких-либо иных заболеваний желудка. В периоды депрессий в результате резкого снижения аппетита и других физиологических изменений в организме, свойственных этой фазе маниакально-депрессивного психоза, он быстро и сильно худел. Особенно выраженное похудание, достигшее степени самой настоящей кахексии, возникло у него в 1845 г. В.А. Жуковскому он писал в тот тяжелый “ипохондрический год”: “Я хUDEЮ теперь не по дням, а по часам. По моему телу можно изучать полный курс анатомии: до такой степени оно высохло и сделалось кожа да кости”.

Помимо болей в желудке, то есть в эпигастральной (надчревной) области, как принято обозначать их локализацию в медицине, в периоды депрессий пациента беспокоили боли по всему животу, в пояснице, голове, а также упорные продолжительные запоры, тягостное, мучительное ощущение сжимания и стеснения в области груди и сердца. Важно подчеркнуть, что Гоголь не был симулянтом, как его представляют некоторые горелитераторы. Он действительно ч у в с т в о в а л и имел указанные болезненные симптомы. Разница в том, что в основе их были не истинные органические, телесные поражения

желудка, кишечника и других органов, а нарушения нервно-психической сферы, преформированные в симптомы телесных болезней.

Тяжелая душевная болезнь сделала невероятное — писатель постарел еще в молодые, цветущие годы! Он чувствовал свою старость сам. В сентябре 1839 г., в возрасте 30 лет (!), он пишет: “Тяжело очутиться стариком в лета, еще принадлежащие юности, ужасно найти в себе пепел вместо пламени и услышать бессилие восторга”. Раннюю старость Гоголя отметили П.В. Анненков в 37-летнем возрасте писателя, В.Н. Репнина — в его 40-летнем возрасте. Н.В. Берг, повстречавший писателя, когда тому минуло 41 год, устранился его внешнего вида и заметил, что это был уже не Гоголь, а “развалины Гоголя”.

С 1839 г. у писателя была нарушена терморегуляция, то есть способность поддерживать нормальную температуру тела. Он стал чувствовать необыкновенную зябкость даже при легком понижении температуры воздуха, а в натопленной комнате испытывал жар до такой степени, что не мог нормально работать. Нарушилось потоотделение, кожа стала сухой и бледной.

Доктор психиатрии А.Е. Личко сделал вывод, что в возрасте 30 лет, в 1839 г., в Риме Гоголь переболел особо тяжелой формой малярии, когда поражается головной мозг, — малярийным энцефалитом. Известный психиатр Н.Н. Баженов также утверждал, что Николай Васильевич переболел за границей малярией, правда, затрудняется сказать, в каком году это произошло.

Дело в том, что в письмах великого писателя само слово “малярия” не упоминается. Ведь это заболевание во времена Гоголя называли по-разному: малярия, эпидемическая лихорадка, злокачественная лихорадка, трясуха, знобуха, лихоманка и т.п. Уже после смерти Гоголя, когда в 1880 г. открыли возбудителя — малярийного плазмодия, а в 1897 г. установили, что переносчиками инфекции являются комары, в окончательном виде сформировалось учение об этом заболевании. Вот тогда-то и стали повсеместно употреблять один термин — малярия.

В первой половине XIX века в Италии малярия являлась очень распространенным заболеванием. По свидетельству римского окружения Гоголя, в 1839 г. у него наблюдалось тяжелое инфекционное заболевание с повышением температуры тела и другими признаками, очень напоминавшими малярию. Именно после этого у больного появились расстройства терморегуляции, склонность к обморочным состояниям и изменение походки, усилились нарушения сна и булимия.

С другой стороны, в психиатрии хорошо известно, что при ипохондрическом синдроме, развивающемся при маниакально-депрессивном психозе, возможны неприятные ощущения холода и жара в различных участках тела, снижение потоотделения, бледность и сухость кожи, булимия, нарушения сна и в редких случаях даже головокружения с обморочными состояниями. Важно отметить, что булимия и нарушения сна возникли у больного еще до 1839 г., то есть до заболевания малярией.

По нашему мнению, Гоголь страдал маниакально-депрессивным психозом, а перенесенный в 1839 г. малярийный энцефалит, во-первых, ухудшил течение болезни и способствовал прогрессированию маниакально-депрессивного психоза и, во-вторых, вызвал изменения в головном мозге (так называемый диэнцефальный синдром), которые усугубили имеющиеся у пациента расстройства нервно-психической сферы.

Диэнцефальный (гипоталамический) синдром возникает после инфекционно-токсического поражения гипоталамуса (отдела головного мозга) и проявляется гормональными, вегето-сосудистыми, обменными и другими расстройствами. Имеющиеся у Гоголя нарушения терморегуляции и сна, обморочные состояния, булимия и некоторые другие изменения укладываются в понятие диэнцефального синдрома.

Обморочные состояния встречались в жизни Гоголя всего несколько раз, преимущественно в начале 1840-х годов. Особенно тяжелый и продолжительный обморок случился у писателя в январе 1842 г., когда он жил в Москве в доме своего приятеля М.П. Погодина, занимая отведенный ему мезонин. С.Т. Аксаков, вспоминая тот период в жизни Гоголя, указал: “...он чувствовал головокружение и один раз имел такой сильный обморок, что долго лежал без чувств и без всякой помощи, потому что случилось это наверху, в мезонине, где у него никогда никого не было”.

Писатель страдал нарушениями сна: упорными бессонницами, кошмарными сновидениями с устрашающими картинками; в начале 1840-х годов у него несколько раз наблюдался очень глубокий и продолжительный (летаргический) сон.

Вспоминают о застывшем, маловыразительном лице писателя в его последние годы, что бывает после перенесенного энцефалита.

Медицинские документы о неврологическом осмотре Гоголя историкам литературы не известны. Очевидно, подобный осмотр, выполняемый нынче “узкими” специалистами-невропатологами, и не был произведен. Но сохранились свидетельства современников о некоторых неврологических нарушениях у Гоголя. Вероятнее всего, они были следствием перенесенного малярийного энцефалита. Так, движения Гоголя стали очень неуклюжими, то порывистыми, то замедленными. Изменилась его походка. Л.И. Арнольди, встречавшийся с писателем в 1849 г., заметил, как Гоголь чрезвычайно странно, как будто после паралича, “гарантил” ногами. Н.В. Берг обратил внимание, что “походка его была оригинальная, мелкая, неверная, как будто одна нога старалась заскочить постоянно вперед, отчего один шаг выходил как бы шире другого”.

Тяжелым для здоровья Гоголя выдался 1845 г. Это был настоящий кризис, когда в течение года (с декабря 1844 по декабрь 1845 г.) писатель не мог ни сидеть, ни спать, ни лежать. Этот период можно назвать “депрессивно-ипохондрическим годом”, ибо жестокая непроходящая тоска сочеталась с обилием выраженных ипохондрических расстройств (боли в груди, животе, голове, пояснице, других участках тела, запоры, бессонница, озноб и т.п.). Полная потеря аппетита и нежелание принимать пищу привели к такой степени истощения, что, по словам писателя, “...до Франкfurта добрался один только нос мой, да несколько костей, связанных на живую нитку жиденькими мускулами”. Руки его от голода распухли и “почернели”. Это были отеки от недостатка белка в крови. По законам физиологии, белки “удерживают” жидкость в сосудистом русле, при снижении их концентрации в крови часть жидкости уходит из сосудов в ткани, обуславливая появление отеков.

Но во Франкfurте больному стало ничуть не лучше. “Здоровье мое все хуже и хуже, — пишет Гоголь А.П. Толстому в Париж. — Появляются такие признаки, которые говорят, что пора, наконец, знать честь и, поблагодарив бога за все, уступить, может быть, свое место живущим... Болезненные мои минуты бывают теперь труднее, чем прежде, и трудно-трудно бывает противустать против тоски и уныния”. Таким образом, приступы тоски, ужаса и апатии в сочетании с ипохондрическими расстройствами достигли такой степени, что вызвали мысли о нежелании жить.

Наиболее тяжелые психические расстройства Гоголя — галлюцинации, фобии, бред самообвинения, самоуничтожения и греховности — были характерны преимущественно для депрессивных фаз его душевной болезни,

Галлюцинации редко бывают при маниакально-депрессивном психозе. Впервые они посетили писателя во время тяжелого приступа депрессии в Вене в 1840 г. Это были “видения”, то есть зрительные галлюцинации. Галлюцинации отмечены у Гоголя также в последние недели его жизни, в феврале 1852 г.

Для депрессий характерны слуховые и зрительные галлюцинации устрашающего содержания: голоса, обвиняющие больного в нехороших поступках, предрекающие страшные наказания, “видения” умерших, ада, страшного суда и т.п. Именно подобные галлюцинации преобладали у Гоголя.

Для депрессивных состояний характерны разнообразные навязчивые страхи — фобии. У Гоголя было шесть выраженных фобий. Во-первых, фобия болезни: мнительный Гоголь панически боялся любой болезни вообще и неизлечимого заболевания — в особенности. Во-вторых, фобия невыполнения творческой работы. Страх профессиональной непригодности часто встречается при депрессивных состояниях. В современной жизни такие больные опасаются, что они не смогут работать музыкантом, летчиком, хирургом и т.п. У Гоголя был навязчивый страх, что он, тяжело заболев, не сможет выполнить главную творческую работу жизни — не закончит свою “единственную порядочную” вещь, сочинение которой было завещано ему А.С.Пушкиным, — поэму “Мертвые души”, задуманную им в виде трехтомника. В трех томах великий писатель хотел дать развернутую панораму всей русской жизни и, одновременно, повернуть человечество к истине Евангелия.

В последние годы жизни у писателя сформировалась фобия отравления лекарствами. Гоголь долгие годы обращался к врачам, лечился у них, в том числе медикаментами. Но вдруг он стал говорить об аптечных лекарствах как об ядах и отказывался от них. По свидетельству доктора А.Т.Тарасенкова, в последние месяцы жизни он принимал лишь готовые пилюли, которые покупал сам по чьему-либо совету, но только не по предписанию врачей. Покупал те пилюли, о которых где-то нечаянно услышал, будто они кому-то помогли. Лекарства, прописанные врачами, он категорически отвергал и не принимал их, боясь отравиться.

Танатофобия (навязчивый страх внезапной смерти) цепко захватывает психику Гоголя после 21 мая 1839 г., когда почти на его руках на вилле Зинаиды Волконской в Риме умер Иосиф Виельгорский — необыкновенной красоты, ума и благородства юноша, неизлечимо больной туберкулезом. Гоголя, трогательно ухаживающего за больным, потрясла эта смерть.

Во время кризиса своей душевной болезни в 1840 г., находясь в Вене, испытывая во время тревожной депрессии нежелание жить и написав духовное завещание, Гоголь по прошествии нескольких дней испытал и жуткий страх смерти.

При депрессиях нередко встречается парадоксальное состояние, когда на высоте жестокой тоски больным не хочется жить, продолжать свои мучения, но одновременно они ощущают панический страх смерти. В психиатрии для обозначения этого состояния существует понятие: “желающий смерти боится ее”. Именно к этой категории больных нужно отнести Гоголя.

Из-за танатофобии он панически боялся умирающих, умерших и процедуры похорон. К примеру, в 1841 г. в Риме тяжело заболел “злокачественной лихорадкой” и вскоре умер молодой русский архитектор М.А. Томаринский. Напуганный Гоголь даже не решается взглянуть на умершего и, не попрощавшись с покойным, в невменяемом состоянии в панике уезжает из Рима в небольшой городок Альбано.

Обмороки и состояния глубокого, продолжительного сна хотя и были в жизни Гоголя редки, но вызвали, в силу мнительности его натуры, навязчивый страх погребения заживо — т а ф е ф о б и ю. Николай Васильевич был далеко не первым человеком, страдающим этим расстройством, в психиатрической практике такие больные встречались как до Гоголя, так и после него. Поскольку писатель патологически боялся, что во время глубокого сна его могут принять за умершего, он, начиная с конца 1840 г., ночами практически не ложился в постель, а спал, точнее — дремал, в кресле или на диване, в положении сидя или полулежа. Это наблюдалось в продолжение всей последующей жизни — более одиннадцати лет! Конечно, мозг и тело его плохо отдыхали во время такого сидячего полусна, и это, по нашему мнению, также накладывало отпечаток на творческие способности писателя.

Никоше в детстве его мать любила рассказывать об аде и страшном суде. Рассказы матери были очень эмоциональны и окрашены в зловещие, мрачные тона. Никоша был еще очень мал, и Мария Ивановна напугала его. В психике Гоголя угнездился подсознательный страх ада и страшного суда. Когда Николай Васильевич заболел душевной болезнью, страх этот вышел из сферы подсознательного и стал определять его сознание, превратившись в фобию страшного суда и ада.

Помимо навязчивых страхов — фобий — Гоголь имел несколько навязчивых идей. Об одной — написание “Мертвых душ” в виде гигантского триптиха о России, “второй библии” — мы уже сообщали. Другой навязчивой идеей была мания сожжения своих литературных сочинений.

Истоки этой мании нужно также искать в детстве писателя. Написав в 14-летнем возрасте повесть о древних славянах “Братья Твердославичи”, Николай Гоголь-Яновский прочитал ее своим соученикам по Нежинской гимназии. Вердикт товарищей был не по-детски жесток: повесть неудачна, и ее нужно уничтожить. Тогда Гоголь, внешне совершенно спокойно, но, очевидно, с глубокой внутренней болью на глазах товарищей разорвал рукопись и бросил в топившуюся печь. А нужно учесть, что уже в этом возрасте у Гоголя созрела мысль стать литератором и он очень много времени уделял сочинительству.

Второе сожжение он совершил в 1829 г., предав огню все экземпляры неудачной поэмы “Ганц Кюхельgarten”, изданной им в Петербурге на собственные средства.

Когда писатель вскоре заболел, находящаяся на подсознательном уровне трагедия юношеского сожжения “Братьев Твердославичей” “всплыла” на уровень его больного сознания и закрепилась в нем, обратившись в навязчивую идею, манию сожжения сочинений. Отныне все свои неудачные (только на его взгляд!) произведения, черновики, наброски он будет безжалостно предавать огню. Сосчитать их все, обратившиеся в пепел, просто невозможно: не о всех сожжениях он рассказывал. Обратим внимание: Гоголь стремился не просто к уничтожению произведений (многие литераторы рвут и выбрасывают свои неудачные вещи или части их), а хотел предать огню, то есть имел самую настоящую манию сожжения.

Во время второго заграничного путешествия писатель много и напряженно работал над драмой из жизни запорожцев. В сентябре 1841 г. он прочитал готовую трагедию В.А. Жуковскому во Франкфурте. И вот чем это закончилось. “Сначала я слушал, — вспоминал поэт, — потом решительно не мог удержаться и задремал. Когда Гоголь кончил и спросил, как я нахожу, я говорю: “Ну, брат Николай Васильевич, прости, мне сильно спать захотелось”. — “А когда спать захотелось, тогда можно и сжечь её”, — ответил он и тут же бросил в камин.

Гоголь сжигал свои произведения или части их, находясь, как правило, в состоянии депрессии. В эти периоды больная психика его воспринимала вышедшее из-под пера неудачным, неотделанным, несовершенным. В фазу депрессии самооценка у больных всегда снижена, и в это время Гоголю даже предыдущие свои произведения, которыми восхищался уже весь литературный мир, например, “Вечера на хуторе близ Диканьки”, казались неудачными.

Второй том поэмы “Мертвые души” Гоголь предавал огню трижды, и всякий раз в тот момент, когда произведение было уже практически готово к изданию! “К последней половине 1843 года относим мы первое уничтожение рукописи (второго тома) “Мертвых душ” из трех, какому она подвергалась”, — указывает П.В. Анненков в своих воспоминаниях.

Второе сожжение “Мертвых душ” произошло на фоне жесточайшего депрессивно-ипохондрического кризиса, поразившего писателя в 1845 г. Он вдруг вообразил, что написанное им настолько скверно и отвратительно, что недостойно и его имени, и, главное, внимания читателей. Оставаясь после сожжения в состоянии депрессии, писатель так объяснял свой поступок: “Затем сожжен второй том “Мертвых Душ”, что так было нужно... Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть. Не легко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясением... Но все было сожжено, и притом в ту минуту, когда, видя перед собою смерть, мне очень хотелось оставить после себя хоть что-нибудь, обо мне лучше напоминающее... Как только пламя унесло последние листы моей книги, ее содержание вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком еще беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным”.

Третье сожжение второго тома “Мертвых душ” произошло в феврале 1852 г., за несколько дней до трагической кончины гениального писателя.

После акта сожжения Гоголь обычно спохватывался, приходил в себя, начинал восстанавливать написанное по памяти, по сохранившейся в голове канве. При этом сюжетно он мог изменить произведение, перестроить его план, композицию. Однако терялись безвозвратно неповторимые, божественно прекрасные строчки, написанные им ранее, обычно в состояниях гипоманий или маний, кусочки, равные по художественной силе описанию украинской степи или величественного Днепра. Ведь не мог же, в самом деле, мозг писателя сохранять надолго эти строчки, тем более в окончательном, отшлифованном виде. К тому же, учитывая постепенное снижение интеллектуальных способностей больного, каждый новый вариант второго тома “Мертвых душ” по своей художественной ценности должен был быть хуже уничтоженного.

Для душевной болезни Гоголя был характерен бред самообвинения, самоуничтожения и греховности. Подобный бред является типичным для маниакально-депрессивного психоза, и возникает он на высоте депрессивной фазы. Он стал появляться у Гоголя начиная с 1845 г., когда бред величия и пророчества стал тускнеть и на смену ему

пришли идеи греховности. Гоголь во время длительно протекавших фаз депрессии обвинял себя во всевозможных тяжелых грехах. Какие уж это были такие страшные грехи, трудно сказать, тем более что свои прегрешения, ошибки и даже преступления (как ему казалось) Гоголь старался никому не раскрывать, что характерно для больных с депрессивными психозами, которые замыкаются в себе. Если же взять конкретно жизнь Николая Васильевича, которая, благодаря неустанному труду литературоведов, как бы вся на ладони, то с точки зрения общечеловеческих ценностей никаких низких человеческих поступков и тем более преступлений, нарушений закона Гоголь не совершал. Всю жизнь свою он посвятил напряженному труду, вел очень скромный образ жизни и пребывал почти постоянно в острой нужде, чуть ли не в нищете. Он не крал и не наживался трудом чужих людей, не был пьяницей и не совершал прелюбодеяний.

Конечно, случались в жизни писателя конфликты с некоторыми людьми, например, с прижимистым “кулаком” М.П. Погодиным, который, ссужая одно время бедствующего за границей Гоголя деньгами, стал категорично требовать у него произведения для своего журнала “Москвитянин”. Известно, что Николай Васильевич прекратил всякие отношения со старшей сестрой своей Марией Гоголь-Трушковской, которая не захотела жить по его советам-проповедям. Но как раз по поводу этих конфликтных отношений Николай Васильевич особо не переживал, считая себя в них правым.

Итак, вроде бы у Гоголя не было в жизни поступков, за которые он мог обвинять себя. Но все дело в том, что больному с депрессией не надо каких-то больших и разумных поводов для самообвинения. В фазу депрессии у такого человека любой пустяк может раздуться до преступления гигантских размеров.

В последние годы жизни, в силу религиозности Гоголя, бред самообвинения и самоуничтожения отчетливо принял р е л и г и о з н о е направление. Содержание его известно из писем писателя и воспоминаний о нем. Основными пунктами самообвинения Гоголя были следующие: 1) недостаточная вера (и даже неверие!) в Бога; 2) черствость и равнодушие, проявленные им при посещении Святых мест в 1848 г.; 3) греховный соблазн и осуждение церковью книги “Выбранные места из переписки с друзьями”; 4) литературная деятельность; 5) недостаточно полное соблюдение постов.

Первый пункт из перечисленных “грехов” совершенно абсурден, ибо, наверное, трудно было найти человека среди его родных, друзей и знакомых, так фанатично и свято веривших в Бога. Однако ему, настроенному своею больной психикой на самообвинение и самоуничтожение, казалось, что он недостаточно верит. И чем больше он молился, чем строже соблюдал религиозные обряды, тем чудовищней ему казалось его мнимое неверие.

О “скорбном бесчувствии” Гоголя, проявленном им особенно в 1848 г., во время паломничества в Иерусалим, уже сообщалось. Он обвинял себя в черствости и равнодушии при посещении Святых мест, но психическая анестезия была обусловлена его болезнью.

Действительно, книга “Выбранные места...” не понравилась священнослужителям и отдельными положениями противоречила учению церкви. Гоголь был расстроен осуждением книги некоторыми лицами церковного звания и попросил высказать свое мнение о ней знаменитого ржевского протоиерея отца Матфея. Ответное письмо честного и прямого Матвея Константиновского ввергло набожного, боящегося страшного суда и ада Гоголя в тяжелейшее состояние уныния и страха. Священник писал, что книга Гоголя вредна и сочинитель ее даст ответ перед Богом. В 14-м письме книги (к графу А.П. Толстому) Гоголь восстает против “одностороннего взгляда”, что всякий театр есть соблазн и

препятствие к спасению души, и утверждает, что театр — это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра. Отец Матфей осудил за это писателя, укоряя его в том, что он посылает людей в театр, а не в церковь,

Отец Матфей посоветовал Гоголю бросить поприще литератора. Но сочинительство стало смыслом жизни писателя. Гоголь говорил: “Не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить”. Поэтому он всеми силами пытается сопротивляться этому совету. “Не знаю, сброшу ли я имя литератора, — пишет он Матвею Константиновскому. — Я до сих пор уверен, что закон Христов... можно исполнять во всяком званьи и сословии. Его можно исполнять и в званьи писателя. Если писателю дан талант, то, верно, недаром...”

Однако совет отца Матфея внес сумятицу в душу больного человека. Произошло расщепление души, возник глубокий внутренний конфликт между писателем и верующим человеком. Любимое поприще превратилось отныне в греховное дело. Он хотел бросить литературу, освободиться от этого “греха”, всего себя посвятить Богу, однако не в состоянии был сделать это. И он корил себя, нещадно бичевал за слабость духа и слабость веры.

Бред самообвинения, самоуничужения и греховности нарастал, как снежный ком. Гоголь все сильнее и сильнее жаждал искупить свою вину, очиститься от душевной скверны. Совершенные “грехи” ему казались действительно чудовищными, невероятными. Со страхом ждал он ужасного возмездия.

В современной психиатрии хорошо известно, что на высоте депрессивных состояний многие больные становятся настолько измучены тоской и унынием, что не хотят больше жить. Они перестают принимать пищу, отказываются от лекарств и пассивно ожидают медленно приближающуюся смерть. В других случаях больные могут неожиданно, импульсивно или, наоборот, заранее всё обдумав, предпринять попытку суицида.

У душевнобольного Гоголя было пять периодов, когда он, вследствие невыносимых мук, не хотел больше жить и пассивно ожидал приближающуюся смерть. Еще раз подчеркнем, что для глубоко религиозного человека, каким был Гоголь, самоубийство — тяжкий грех. Известно, что во времена Гоголя самоубийц даже не разрешали хоронить на кладбище. Поэтому Николай Васильевич никак не мог избрать активный способ суицида (повешение, отравление, утопление и т.п.). Он мог лишь пассивно способствовать приближению своего конца, отказавшись от пищи, питья и лекарств.

Первый приступ нежелания жить возник во время “венского” кризиса болезни в июле-августе 1840 г. Второй был кратковременным, продолжался одну только ночь и произошел в ноябре 1843 г.. Подробности приступа Николай Васильевич рассказал затем А.О. Смирновой. Вот её свидетельство, записанное П.А. Кулишом: “Едучи в Ниццу, Гоголь заболел в Марсели ночью так ужасно, что не надеялся дожить до утра и с покорностью ожидал смерти. Он чувствовал, как смерть к нему приближалась, и встречал ее молитвами. Утром он чувствовал большую слабость, однако ж сел в дилижанс и приехал в Ниццу”.

Третий приступ случился в конце марта — середине апреля 1845 г. во Франкфурте. О нежелании жить Николай Васильевич сообщил 29 марта в письме графу А.П. Толстому. В этот период больной очень исхудал, у него были одни кожа да кости. Вероятно, он не желал есть и голодал. Приступ этот сохранялся до середины апреля, достигнув степени тревожной депрессии. Гоголь почувствовал, что смерть пришла к нему. Он решил срочно вызвать православного священника, чтобы собороваться. Протоиерей русской церкви в Висбадене отец Иоанн (И.И. Базаров) получил от Николая Васильевича записку следующего

содержания: “Приезжайте ко мне причастить меня, я умираю”. Молодой священник быстро приехал к знаменитому литератору и застал умирающего на ногах. Поэтому в воспоминаниях он назвал писателя “мнимо умирающим”. “...На мой вопрос, почему он считает себя таким опасным, — повествовал К.К. Базаров в воспоминаниях, он протянул мне руки со словами: — “Посмотрите! Совсем холодные!” Однако мне удалось убедить его, что он не в таком болезненном состоянии, чтобы причащаться на дому, и уговорил его приехать поговеть в Висбаден, что он и исполнил”.

В феврале 1846 г. Гоголь испытал еще один приступ тоски, ужаса и апатии, достигший такой степени, что у писателя возникли мысли о самоубийстве: “Болезненные состояния до такой степени... были невыносимы, что повеситься или утопиться казалось как бы похожим на какое-то лекарство или облегчение.

Пятый приступ нежелания жить наблюдался у писателя в феврале 1852 г. и завершился летальным исходом.

Помимо тяжелой душевной болезни, Николай Васильевич имел в течение жизни много сопутствующих острых и хронических заболеваний. Иммуитет его был снижен. Поэтому, повзрослев, он продолжал часто болеть. Но основным его заболеванием был маниакально-депрессивный психоз.

По поводу проявлений этого душевного заболевания Н.В.Гоголь обращался к очень многим врачам, его осматривали и лечили почти все российские и европейские знаменитости: И.Е. Дядьковский, Ф.И. Иноземцев, С.Ф. Гаевский, И.-Г. Копп, П. Круккенберг, К.Г. Карус, И.Л. Шенлейн, К. Циммерманн, Д. Груби, В. Присниц и многие другие.

Врачи, на протяжении более 20 лет обследовавшие и лечившие Гоголя, ставили ему различные диагнозы: “нервическое расстройство”, “болезнь печени”, “ипохондрия”, “катар кишок”, “поражение нервов желудочной области”, “спастический колит”, “геморроидальная болезнь” и другие. Большинство докторов рассматривали не человека в целом, а какой-то отдельный орган. Карус лечил печень, Маржолен — желудок, Иноземцев — кишечник, Шенлейн — нервы эпигастральной области.

В течение всей своей длительной психической болезни, даже во время душевных кризисов 1840 и 1845 гг., Гоголь ни разу не осматривался психиатром. Несмотря на то, что, начиная с 1846 г., некоторые лица из окружения писателя считали Гоголя психически не вполне здоровым, ни один врач не определил ни наличия, ни характера его душевной болезни.

В конце своей жизни Гоголь полностью разуверился во врачах и медицине. Еще в 1845 г. он высказывался, что “доктора всегда мне вредили, не зная ни на волос моей природы”.

Улучшения состояния Гоголя наступали не в результате проведения лечебных мероприятий, а самопроизвольно, по законам волнообразности и периодичности течения болезни. “Здоровье мое поправилось неожиданно, совершенно противу чаяния даже опытных докторов, — констатировал Гоголь после последнего тяжелого кризиса болезни в 1846 г. — Я был слишком дурен, и этого от меня не скрыли. Мне было сказано, что можно на время продлить мою жизнь, но значительного улучшения в здоровье нельзя надеяться. И вместо этого я ожил...”

Но приближалась роковая развязка.

4

Вернемся к началу нашего очерка, чтобы с медицинской точки зрения объяснить события последних недель жизни великого писателя и раскрыть причины его смерти.

26 января 1852 г. у Гоголя начался очередной депрессивный приступ его душевной болезни — маниакально-депрессивного психоза. Он был спровоцирован тяжелой психотравмирующей ситуацией — скоростижной смертью близкого и дорогого писателю человека — Екатерины Хомяковой. Дальнейшее прогрессирование депрессии привело к развитию состояния, которое в психиатрии именуется как депрессивный ступор, с полной двигательной заторможенностью, чувством неизбежности смерти, негативизмом по отношению к окружающим, нежеланием лечиться. Депрессивный ступор сочетался с физическим изнеможением. В таком состоянии застал доктор Тарасенков писателя 16 февраля.

Под влиянием болезни Гоголь голодал около трех недель. Глубоко не правы те, кто считал и считает, что голодание не могло вызвать тяжелых изменений в его организме. Профессор Юрьевского университета, известный психиатр прошлого В.Ф. Чиж в 1904 г. пытался доказать, что голодание писателя не могло серьезно повредить ему. Он утверждал: наукой-де доказано, что человек без всякой пищи может прожить 40 дней. А у Гоголя, писал психиатр, не было полного голодания, ибо он иногда, в отдельные дни, откусывал кусочки от ломтика хлеба, принимал крупинки саго, чернослив, съедал по 1—2 ложечки кашицы на воде.

Конечно же, профессор В.Ф.Чиж, неизвестно из каких побуждений, грешил против истины. Действительно, науке известны были факты, когда отдельные здоровые люди, не имея пищи в течение 30—40 дней, всё же выживали. Но ведь это были редкие, казуистические случаи. Срок в 30—40 дней едва ли безоговорочно справедлив и для здоровых, крепких людей. Гоголь же был человеком больным, физически слабым. Известно, что лица, страдающие маниакально-депрессивным психозом, имеют серьезные обменные нарушения в организме с расстройствами белкового, жирового и, особенно, углеводного обмена. В частности, ткани организма плохо усваивают глюкозу из крови, снижаются окислительные процессы, в избыточном количестве накапливаются вредные продукты обмена — молочная и пировиноградная кислоты, нарушается кислотно-щелочное равновесие со сдвигом внутренней среды организма в кислую сторону (так называемый ацидоз). Все это очень серьезные изменения. В фазу мании аппетит у больных повышен, однако из-за нарушений обмена веществ они не полнеют. В фазу депрессии у пациентов снижается аппетит и они очень резко теряют в весе! Важно подчеркнуть, что нарушение обменных процессов в депрессивную фазу таково, что даже при обычном, достаточно полном рационе больные все равно значительно худеют. А в феврале 1852 г. Гоголь на три недели практически полностью лишил себя пищи и резко ограничил в питье!

Важно и то, что Гоголь значительно ограничил себя в сне. Почему-то этому обстоятельству не придают большого значения исследователи. А зря! Известно, что при длительном лишении сна в организме происходят серьезные сдвиги: увеличивается выделение минеральных веществ (калия и натрия) и ряда гормонов, нарушается обмен веществ, начинаются или прогрессируют нарушения нервно-психической сферы вплоть до расстройств сознания и появления галлюцинаций. Когда в опытах на добровольцах людей лишали сна на длительный срок, наблюдали выраженные отклонения в состоянии здоровья. При полном лишении сна на 2—3-й день возникают: бормочущая, смазанная речь с

ошибками, упадок сил, спотыкание о несуществующие предметы, утомление; через 3 суток — кратковременные нарушения сознания, галлюцинации и другие расстройства.

О страдании людей, оставшихся без сна, знали много веков назад. Уже в древности была известна пытка лишением сна, и ее практически никто не выдерживал: человек погибал всего лишь через 8—10 дней! Гоголь же в течение трех недель спал по 1—3 часа в сутки. Но даже в эти мизерные часы у него отнюдь не наступало полноценного, глубокого сна — больной лишь дремал в полусидячем положении в кресле или на диване. В отдельные сутки он не спал вовсе.

Трехнедельный период голодания с резким ограничением жидкости осложнился развитием тяжелой алиментарной дистрофии с крайним истощением и нарушением обмена веществ в тканях, распадом белков, гипопроотеинемией (низким содержанием белков в крови), обезвоживанием организма и снижением объема циркулирующей крови, начинающейся сердечно-сосудистой и дыхательной недостаточностью. Состояние больного к 20 февраля стало критическим.

На консилиуме был поставлен неверный диагноз (“менингит”) и избраны неправильные методы лечения. Вместо того чтобы кормить больного высококалорийными продуктами, давать ему обильное питье и вводить солевые растворы, были выполнены вредные и опасные для пациента вмешательства — кровопускание, раздражающие процедуры с резкой переменой тепла и холода. Без лечения больной, при сохранении депрессии и связанного с нею голодания, должен был умереть от тяжелой алиментарной дистрофии предположительно через 7—14 дней. Проведение ослабляющего лечения, по нашему убеждению, ускорило летальный исход. Гоголь мог остаться жив даже без всякой медицинской помощи, но только в том случае, если бы на смену депрессии в ближайшие одну-две недели пришел светлый промежуток с возвращением интереса к жизни и прекращением голодания.

Как бы то ни было, неправильные действия врачей — ошибка в диагнозе, неверно избранная лечебная тактика — не только не позволили спасти больного, но и приблизили летальный исход.

Первым обвинил докторов один из участников консилиума, А.Т. Тарасенков, который сам был лицом заинтересованным и тоже совершил ошибку в диагнозе. Через 50 лет после смерти писателя профессор Н.Н. Баженов написал: “Печально сознаться в этом, но одною из причин кончины Гоголя приходится считать неумелые и нерациональные медицинские мероприятия... Он скончался в течение приступа периодической меланхолии от истощения и острого малокровия мозга, обусловленного как самою формою болезни, — сопровождающим ее голоданием и связанным с нею быстрым упадком питания и сил, — так и неправильным, ослабляющим лечением, в особенности кровопусканием”. В принципе известный психиатр прошлого прав, хотя его точку зрения до сих пор подвергают жесточайшей, унижительной критике.

Известно, что сильно истощенные и обезвоженные больные очень плохо переносят кровотечение. Гоголь к тому же в результате перенесенного ранее малярийного энцефалита был подвержен обморокам и чрезвычайно чувствителен к переменам температуры, очень плохо переносил и холод, и жару.

В медицине важным показателем состояния больного считается объем циркулирующей крови, обозначаемый сокращенно ОЦК. По нашим приблизительным расчетам, объем циркулирующей в организме крови у голодающего и обезвоженного Гоголя

был значительно снижен, составляя около 3—3,5 л (60—70% от нормы ОЦК), а крови в результате кровопускания он потерял очень много — около 750 мл (15% ОЦК). Таким образом, после кровопускания в сосудистом русле больного находилось приблизительно 2,25—2,75 л крови при норме 5 л, что составляло лишь 45—55% от должного ОЦК у человека!

Кровопускание, помимо острой анемии (малокровия), способствовало резкому уменьшению и до того сниженного объема жидкости в сосудистом русле организма и в результате вызвало острую сердечно-сосудистую недостаточность. Раздражающие водные процедуры с резкой переменной тепла и холода оказали шоковое воздействие на больного, также способствуя ослаблению сердечной деятельности.

Непосредственной причиной смерти Гоголя стала острая с е р д е ч н о с о с у д и с т а я недостаточность, вызванная кровопотерей (кровопусканием) и шокowymi температурными воздействиями. Но п е р в о п р и ч и н о й преждевременной кончины, несомненно, является его основное заболевание — маниакально-депрессивный психоз.

Окончательный диагноз у умершего, в соответствии с современными медицинскими классификациями, можно сформулировать следующим образом.

Основное заболевание: маниакально-депрессивный психоз, депрессивная фаза.

Осложнения основного заболевания: депрессивный ступор. Алиментарная дистрофия, тяжелая степень. Острая сердечно-сосудистая недостаточность. Дыхательная недостаточность.

Сопутствующие хронические заболевания. Диэнцефальный синдром после перенесенного малярийного энцефалита. Хронический двусторонний отит. Хронический гепатит. Геморрой.

Трагедия Гоголя как больного состояла в том, что его основное заболевание при жизни не было диагностировано, и это сыграло роковую роль во время последнего приступа болезни.

Сегодня легко судить и рассуждать о правильности действий врачей, которые полтора века назад лечили писателя во время его последнего душевного кризиса. Уровень медицинской науки и практики был тогда совершенно иной. Ныне при подобном состоянии, которое наблюдалось у Гоголя, то есть в депрессивную фазу маниакально-депрессивного психоза с отказом больного от пищи и нежеланием жить, пациент обязательно госпитализируется в психиатрическую больницу. За ним ведется круглосуточное наблюдение для предупреждения суицидальных попыток. Одной из первых задач лечения является кормление больного. Для стимуляции аппетита применяются медикаменты — инсулин, ретаболил, соматотропин. Осуществляется искусственное кормление через введенный в желудок зонд питательными смесями, в состав которых входят молоко, яйца, масло, бульон, фруктовые и овощные соки, сахар, соль. Подкожно или внутривенно больному вводятся изотонический раствор хлорида натрия и раствор глюкозы, применяются также витамины и общеукрепляющие средства. При депрессивных состояниях в современной психиатрии обязательно назначаются лекарственные вещества, устраняющие состояние тоски и тревоги, — антидепрессанты, которые во времена Гоголя еще не были синтезированы.

Применение современных методов лечения больных маниакально-депрессивный психозом, отказывающихся от пищи и достигших истощения, позволяет сегодня спасти жизнь подавляющему большинству пациентов.

Вот и подошел к концу наш рассказ о болезни и смерти Николая Васильевича Гоголя.

Он ушел от нас в иной мир очень рано — в 42 года. Ему бы жить еще да жить! Но неизлечимая болезнь сделала свое дело. “И прекрасное должно было погибнуть, как гибнет всё прекрасное у нас на Руси”.

Гоголь, как всякий гений, был не простым для понимания человеком.

Гоголь — это свет и тень, это гамма противоположных чувств и клубок противоречий, Гоголь — это великое имя в литературе и нечеловеческие муки и боль при жизни, Гоголь — это смех сквозь слезы.

Эти две стороны, эти противоречия Гоголя были обусловлены особенностями его тяжелой, неизлечимой душевной болезни. Более 20 лет он мужественно сражался со своим недугом. Болезнь не только подрывала его здоровье, но и мешала ему творить, выполнять главное дело жизни. “Работа — моя жизнь; не работается — не живется”, — говорил он. Несмотря на нездоровье, он до последнего, предсмертного кризиса болезни каждый день становился за конторку и продолжал писать, мучительно подбирая слова. Гоголь пример величайшего труженика, его жизнь — подвиг!

Лишь после смерти мир по достоинству оценил его как гениального мастера литературы и понял его как личность, как великого и неповторимого Человека. Сбылись пророческие слова: “Мое имя после меня будет счастливее меня...”